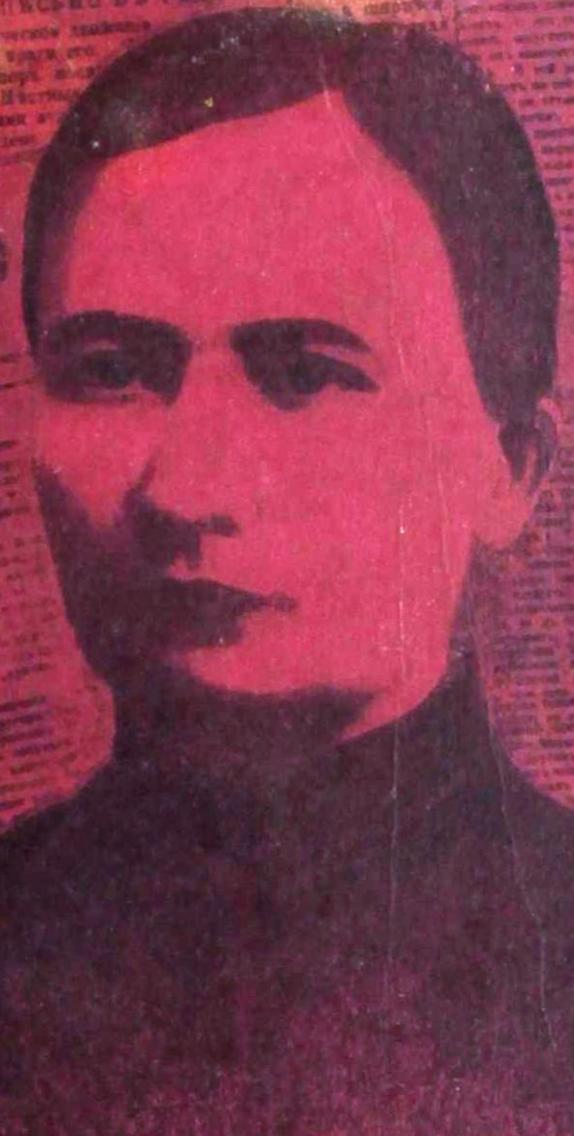

К64

ИСКРЯ

Д. КОНОВАЛОВ

САРАТОВСКИЙ АГЕНТ „ИСКРЫ“

ЗКП1(092)
к64

д. КОНОВАЛОВ

САРАТОВСКИЙ
АГЕНТ „ИСКРЫ“

48 +

92 53

84

§ 83 X 83
92 36370 ✓
K

БАЛАКОВСКАЯ
центральная библиотека

90

Приволжское книжное издательство
Саратов 1969

ЗКП1(092)

К64

К64 Коновалов Д.
 Саратовский агент «Искры».
 Саратов, Приволж. кн. изд., 1969.
 86с

ЗКП1(092)

Издательство продолжает выпуск серии «Солдаты революции». На этот раз читатель познакомится с жизнью М. П. Голубевой, которая была агентом Ленинской «Искры» в Саратове, проводила большую работу по налаживанию транспортировки нелегальной искровской литературы из Женевы.

В январе 1924 года, потрясенная смертью Ильича, Мария Петровна Голубева пришла на Красную площадь. В течение нескольких часов она стояла у гроба. Мимо бесконечной вереницей проходили трудящиеся Страны Советов, пришедшие проститься со своим вождем. Процессы все шли и шли, превратившись в сплошное мелькание тысяч лиц. Воображение, никак не мирясь со случившимся, уносилось в прошлое — проходили одна за другой страницы пережитого, дорогие страницы, связанные с Владимиром Ильичем...

Самым близким по времени воспоминанием была их встреча в марте 1919 года. Ленин приезжал тогда в Петроград на похороны Марка Тимофеевича Елизарова, мужа своей старшей сестры. Мария Петровна хорошо помнила Елизарова еще по Самаре. Помнила, как зимой 1891—1892 годов вечерами молодежной компанией, бывавшей у Ульяновых, — Скляренко, Елизаров, Беляков, Лукашевич, Владимир Ильич, — отправлялись они к старым народникам Ливанову и его жене Виттен, обосновавшимся в Самаре после многолетней сибирской ссылки, слушать рассказы людей, бывших живой историей народнического движения.

Мария Петровна работала тогда у земского статистика Красноперова: давала уроки его детям. Хорошо

запомнилось ей, как однажды, уходя с урока, в передней она столкнулась с Владимиром Ильичем и Марком Тимофеевичем. Навстречу им вышел хозяин. Здороваясь с Краснoperовым, Марк Тимофеевич сказал ему, показывая на Владимира Ильича: «Идем на вас».

Хорошо помнила она самарскую комнату молодого Ленина. Туда редко кто заходил из домашних, чаще других бывала тринадцатилетняя гимназистка Мария, которую обыкновенно уводил сам Владимир Ильич. Комнатка была небольшой, главное, что бросалось в глаза, — небольшой письменный стол у окна и множество книг на нем и около него. Тогда при первом посещении ее поразило то, что рядом с массой специальных книг и учебников (Владимир Ильич готовился к поступлению на юридический факультет) лежал «Капитал» Маркса, который, видимо, являлся самой постоянной настольной книгой, лежали статистические земские сборники. Во время ее воскресных посещений дома Ульяновых Владимир Ильич неизменно работал в своей комнате и выходил только к обеду. За обедом перекидывался несколькими словами с Марком Тимофеевичем, расспрашивал Марию Петровну обыкновенно о новостях, хотя они были всегда довольно однообразны: Самара 90-х годов была глухой российской провинцией...

В Петрограде на похоронах Елизарова весной 1919 года она сразу же увидела Владимира Ильича. Стояли рядом другие, но теперь, через 5 лет, она даже не могла вспомнить, кто именно. Первым и самым сильным порывом ее было подойти к Владимиру Ильичу. Но они были не одни. Да ипомнит ли он, ведь они не виделись очень долго, больше десяти лет.

Кажется, Владимир Ильич сам увидел ее, подошел, и они, не договариваясь, отправились в сад. Проваливался под ногами снег, было пусто и голо в маленьком

больничном саду. Владимир Ильич сразу заговорил о Самаре. Сколько она помнила свои встречи с ним, разговор у них неизменно начинался с Самары. Память Владимира Ильича цепко держала не только людей, события, но и многие детали, обстановку их встреч. Помнил он и колокольню Иверского женского монастыря, и Струковский сад, его провинциальную декоративную пышность — гроты, беседки, фонтаны, аллеи; хорошо помнил тот путь, который они проделали в первый вечер их знакомства.

Владимир Ильич расспрашивал о самарцах. Где они, что с ними, где работают? Подробно расспрашивал о ее жизни, работе, детях — учатся ли, не голодают ли?

Вопросы эти были так естественны в то время. Марии Петровне, как и многим, жилось крайне тяжело. Такое было время. Республика, стиснутая со всех сторон врагами, задыхалась в голоде, холода, разрухе.

Здоровье было расшатано лишениями, тяжелым трудом последних восьми лет: надо было одной, без мужа, поставить на ноги троих детей. Да и лет уже было не мало — около шестидесяти.

Она работала в статистическом отделе ЦК. Это днем, а длинными зимними вечерами почти до полуночи, а то и позже просиживала она в Петербургской Чрезвычайной комиссии.

Рассказывая обо всем этом, Мария Петровна внезапно ощутила неловкость — не воспринял ли Владимир Ильич эти слова как жалобу. Быстро посмотрела на него и добавила: «В общем-то, ни в чем не нуждаюсь и вполне, кажется, способна еще бороться за наши идеалы».

Владимир Ильич понял, улыбнулся и вдруг неожи-

данно спросил: «Как вы думаете, вернемся мы к прошлому или нет?»

Все так верили Ильичу и так сжились с этой верой, что вопрос этот несколько ошеломил ее. Она тогда чистосердечно и убежденно ответила: «Нет, не вернемся. Будут еще частичные поражения, но к прошлому не вернемся». Ленин крепко пожал ей руку, — по-видимому, остался доволен ответом.

* * *

Это было почти тридцатилетней давности знакомство, глубоко импонирующее обоим, не запятнанное и не омраченное ничем. Осенью 1891 года, во время их первой встречи, Владимиру Ильичу Ульянову шел двадцать второй год, Марии Петровне Ясневой было уже за тридцать. Оба они считали свои убеждения вполне сложившимися.

К Ульяновым Марию Петровну привел Николай Степанович Долгов — старый народник, некогда член нечаевской организации «Народная расправа». После суда над организацией в 1871 году, ссылки в Архангельскую губернию Долгов далеко отошел не только от разрушительной теории Нечаева, но и вообще от какой-либо революционной работы.

Сразу же после приезда Марии Петровны Долгов загорелся мыслью познакомить ее с семьей Ульяновых и, конечно, с Владимиром, которого он охарактеризовал как «необыкновенного демократа». На вопрос Марии Петровны, в чем же заключается этот демократизм, Долгов ответил: «Да так, во всем: и в одежде, и в обращении, и в разговорах, ну, словом, во всем». Для Долгова семья Ульяновых была овеяна ореолом, окружавшим имя старшего брата — Александра Ильича. Симпа-

тичный, душевный старик, как-то особенно тянувшийся ко всему молодому, видел во Владимире повторение тех черт характера, которые подняли Александра до высоты человеческого подвига.

Вся обстановка в доме Ульяновых, начиная с просто обставленной столовой — стол и рояль на всю большую комнату — и кончая отношениями между членами семьи, очень понравилась Марии Петровне. Почти весь вечер она провела в обществе Марии Александровны и Анны Ильиничны. Владимир Ильич больше молчал, играя с Долговым в шахматы. Мария Петровна незаметно приглядывалась к нему: молодой человек, выглядевший старше своих лет, одетый очень просто — в синюю ситцевую косоворотку, подпоясанную шнурком. Но глаза его запоминались с первого раза, чуть прищуренные, с каким-то огоньком.

Когда она собралась уходить домой, обе женщины забеспокоились. Было уже довольно поздно, и Владимир Ильич вызвался ее проводить. По дороге он начал подробно расспрашивать Марию Петровну, как и зачем она попала в Самару, а узнав, что ее выслали по делу якобинской организации, очень заинтересовался ею и, как ей показалось позже, даже «взял ее как объект для изучения». Разговор от якобинцев перешел к народникам, от народников к Чернышевскому, потом к Марксу. Мария Петровна высказалась о довольно модном тогда учении научного социализма весьма безапелляционно. И тут-то Владимир Ильич, обнаруживавший до этого простой интерес, сразу загорелся, заговорил весомо, точно и уверенно, развивая свою, видимо, хорошо продуманную точку зрения. Мария Петровна, чувствуя себя задетой, стала горячиться и ни за что не хотела отказаться от своего мнения. Позже она вспоминала: «За мной был десятилетний опыт партийной работы, между

прочим, по ведению кружков молодежи, и у меня, как и всякого профессионала, выработался определенный шаблонный подход к людям, в особенности к молодежи; с этим шаблоном я подошла и к Владимиру Ильичу и, что называется, наскочила. Я сразу же не то поняла, не то почувствовала, что этот юноша отмечен какой-то особой печатью и что не мне поучать его, а самой, быть может, придется у него поучиться».

Володя Ульянов дал ей тогда «маленький, но хороший урок». Говорил он местами резко, местами чуть-чуть насмешливо, но ничуть не обидно, ничем не давая почувствовать своего превосходства в споре. Во время разговора Марии Петровне не раз приходила на ум характеристика, которую давали молодому Ульянову самарские народники: «талантливый, но чересчур резкий и самонадеянный юноша». Эта оценка показалась ей упрощенной и не совсем справедливой.

Расстались они дружески.

Зимой 1891—1892 годов они виделись довольно часто, два-три раза в неделю. Вскоре Мария Петровна познакомилась и с окружением Владимира Ильича — членами кружка Алексея Павловича Склеренко, молодежью 20—23 лет. Среди них она чувствовала себя довольно уверенно и авторитетно. Не отказывалась она и от мысли обратить Владимира Ильича в свою «якобинскую веру», несколько раз начинала разговор об этом, но скоро убедилась в невыполнимости своего намерения.

Владимир Ильич отличался от молодежи своего возраста глубоко выношенной точкой зрения на основные вопросы, волновавшие тогда всех, в ком не дремала совесть и не спал ум.

Чаще всего спорили о захвате власти. У якобинцев это была излюбленная тема. Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата влас-

ти, только никак не мог понять, на какой «народ» думали опереться якобинцы. «Народ не есть нечто однородное, народ — это слои, классы с различными, подчас противоположными интересами», — говорил он. Отрицая возможность захвата власти группой интеллигентов и военных (на что надеялись якобинцы), Владимир Ильич в то же время интересовался методами их борьбы и конспирации.

В ту зиму пришлось ей узнать, чем жил Владимир Ильич последнее время: упорное усвоение учения Маркса, изучение по статистическим сборникам (в которых слабо, но все-таки в какой-то мере отображалась русская действительность) экономических закономерностей, складывавшихся в России, вступавшей на капиталистический путь развития.

Иногда Владимир Ильич приходил сам, приносил книги народников, Даниэльсона, читал свои заметки, комментарии к ним, объяснял обширные цифровые статистические выкладки. Впоследствии товарищи по Петербургу называли его «стариком» за пристрастие к цифрам, которыми он всегда старался обосновать ту или иную свою мысль.

В том, какую силу имели эти тусклые серые колонки цифр, ей пришлось как-то убедиться самой. Однажды, прочитав в только что вышедшем статистическом сборнике Самарского земства «теоретическую обработку» цифрового материала о положении крестьянских хозяйств губернии, Владимир Ильич немедленно отправился к его автору — Красноперову. На основании тех же цифр он доказал ему неправильность сделанного вывода. Позже она слышала от Елизарова, что Владимир Ильич «здорово пощипал тогда старого народника».

Весной 1892 года в Самару из Саратова приехала

единомышленница Марии Петровны по якобинской организации Аделаида Романова. Лето они собирались провести на дачах Аннаева, где практиковалось лечение кумысом. Но прежде Мария Петровна решила непременно познакомить ее с Владимиром Ильичем. По дороге она ему такие «пропела дифирамбы», что Романова назвала ее «изменницей якобинским принципам».

Романова была старше Владимира Ильича на 2—3 года, считалась хорошим оратором, но в теоретических спорах обычно отдавалась общими местами. Из визита ничего не получилось: была среди встречавшихся с молодым Ульяновым такая категория людей, которые особенно чувствовали груз его «теоретического» превосходства и не хотели с этим мириться. Так и было в этот раз. Владимир Ильич, наоборот, относился к каждому новому человеку с большим интересом и вниманием, оценивая его как стратег, с точки зрения пригодности для будущих боев.

Об Аделаиде Романовой он расспрашивал Марию Петровну при встрече в 1919 году и был, видимо, огорчен, узнав, что она с меньшевиками.

Были, однако, среди их общих знакомых и такие, которых Владимир Ильич не то чтобы не любил, но мало интересовался ими. К ним относился и известный народник Василий Васильевич Водовозов, осевший в Самаре после архангельской ссылки. Ему, ставшему давно уже по своим убеждениям типичным либералом-культурником, сохранившим от позднего народничества одно лишь его самомнение, привыкшим учить и поучать, претила самостоятельность Владимира Ильича, раздражала безукоризненная аргументированность его суждений, огромная уже в то время эрудиция. Водовозов имел прекрасную библиотеку, но по своему характеру был скучной ходящей энциклопедией.

В конце 1891 года в Самару приехали саратовские народники Россов, Чумаевский и Аргутинский. Мария Петровна, знакомая с Россовым и Чумаевским еще по Саратову (по пути в ссылку в Самару она останавливалась на полтора месяца в Саратове, где жили родные ее подруги Аделаиды Романовой), подбила их и Водовозова устроить на квартире последнего какой-нибудь диспут с рефератом, пригласив на него марксистскую молодежь из кружка Скляренко и Владимира Ильича. Собрались все наличные самарские «народнические силы»: И. Н. Краснoperов, В. В. Савицкий, В. В. Португалов, А. И. Ливанов, В. И. Виттен, В. А. Попов, В. П. Водовозова и другие.

Водовозов избрал темой реферата вопрос о тактике германской социал-демократии. В 1890 году она одержала большую победу на выборах в рейхстаг, за нее голосовало свыше миллиона избирателей. На этом факте Водовозов строил свою теорию «мирной» борьбы и парламентского пути как единственно верного. После Водовозова сразу же выступил Ленин с едкой критикой водовозовских теоретических построений.

— Только архивные крысы могут представлять себе так просто захват власти пролетариатом, — заявил он. Владимир Ильич ссыпался на опыт Парижской коммуны и русский «самодержавный опыт». Выступавшие за ним Россов и Аргутинский пытались опровергнуть Владимира Ильича и немножко «поправить» Водовозова. По меткому выражению свидетеля диспута Алексея Белякова, «все речи были по типу «с одной стороны, нужно сознаться», а «с другой стороны, нельзя не признать».

Несмотря на то, что Водовозов и его коллеги упорно тянули свое, у Марии Петровны осталось впечатление, что они чувствовали правоту Владимира Ильича.

За зиму 1891—1892 годов Мария Петровна близко познакомилась со всеми членами дружной семьи Ульяновых. Почти каждое воскресенье в гостеприимной квартире Рытикова неподалеку от центра собиралась на чаепития молодежная компания. Садились обыкновенно в столовой за большим столом, накрытым белоснежной скатертью, которая очень смущала некоторых гостей.

«Чаще всего я бывал в доме Ульяновых с Марией Петровной Ясневой или Алексеем Скларенко,—вспоминал А. А. Беляков, бывший в то время сельским учителем.—Мария Петровна Яснева, с которой мы тогда познакомились, тоже отличалась способностью заливать чаем и всем, что подвернется под руку, белоснежную скатерть. Каждый из нас по-своему реагировал на белоснежную скатерть в доме Ульяновых: Скларенко — не-навидел, я — боялся, а Яснева довольно равнодушно при всякой возможности скатерть заливала, к явному огорчению Марии Александровны».

...Полтора года самарской ссылки незаметно сблизили их обоих. Встрече этой не суждено было кануть в Лету, а в 1901 году, еще не будучи в партии, она, не сомневаясь, поддержала большое и мужественное дело, которое предпринял со своими единомышленниками Владимир Ильич, положив начало первой общерусской социал-демократической газете. Позже, в самое трудное для партии время, Владимир Ильич написал ей в Саратов («лично Марии Петровне») письмо, в котором говорил о желательности возобновления самарских дружеских отношений.

«Стало быть, считал меня в числе друзей», — впоследствии писала она.

* * *

В 1927 году, заполняя анкету общества старых большевиков, Мария Петровна записала: «Родилась в г. Костроме в семье мелкого чиновника, рано лишилась отца и провела безрадостное детство». Отец ее умер, достигши всего-навсего лишь самой низшей ступеньки в иерархической лестнице царской бюрократии — чина гитулярного советника. После его смерти семья — жена и две девочки — остались без всяких средств к существованию. Детей приютили богатые родственники. Мария Петровна попала в поповско-домещичью среду, ставшую вскоре ненавистной ей.

С 14 лет она уже жила самостоятельной жизнью — училась в костромской земской учительской школе. Кострома в это время — пристанище политических ссыльных. Здесь долгое время жил вернувшийся из архангельской ссылки известный народник В. В. Берза-Флеровский. Кое-кто из преподавателей в школе имел близкое знакомство с «политическими», а многие из будущих сельских учительниц пребывали через них в политическом кружке и чтению величайшей литературы. В кружке, которым руководили политические ссыльные, Мария Петровна познакомилась с замечательной книгой Берзы-Флеровского «Положение рабочего класса в России». Она была покорена необыкновенной правдивостью, безыскусностью небольшой книжечки, написанной на основе личных наблюдений старого народника во время его многолетнего и своеобразного «ожидания в зародыши». Отсюда лишился простого лодыжки вней искуру сострадания, жажду помочи. «Он загуверньеззо, полулучшая считает себя первым революционером в России. — писала о Берзы-Флеровском Софья Перовская. — Пожалуй, он имеет право на это... Он

М. П. Голубева.

не засиделся среди интеллигенции и выбрал (отчасти, конечно, невольно) благую честь... народ, народную среду».

Эту же «благую честь» выбрала себе семнадцатилетняя Мария Яснева. В 1878 году, уже вполне убежденной народницей, она уехала работать в деревню, в один из медвежьих углов Костромской губернии. Там потянулась к крестьянам, жила их трудовой, полной забот жизнью. Зимой учительствовала, а в длинные летние каникулы оба первых года «садилась на землю» — трудилась в поле. Как полагалось по народнической заповеди, брала себе участок — сеяла, растыла, убирала. На третье лето пошла по деревням как книгоноша-пропагандист, занимаясь «летучей агитацией». В сумке под вполне дозволенными книгами лежали «Хитрая механика», «Сказка о четырех братьях», «Баба-ведунья» и другие народнические подпольные издания.

Летом 1881 года, вскоре после первомайского покушения народовольцев на Александра II, в Костроме во время учительского съезда Мария Петровна впервые услышала Петра Григорьевича Зайчневского. «Его горячая проповедь о том, что хождение в народ ничего не даст, что есть другой путь — революционный, произвела на меня сильное впечатление, я ушла из деревни и в 1881 году вошла в якобинскую организацию, отдавшись всецело революционной работе», — вспоминала она позже.

Зайчневский был тогда только что переведен из Позенца Олонецкой губернии, где отбывал ссылку, в Кострому. Старый революционер, автор прогремевшей на всю Европу прокламации «Молодая Россия», которую Маркс и Энгельс называли «манифестом русской радикальной партии», он двадцать лет непрерывно находился в тюрьмах и в ссылках. За эти годы выкистал-

лизовался гордый бунтарский дух этого проповедника-стоициста. Многолетние лишения, царский суд, высочайшее повеление самодержца — 2 года 8 месяцев каторги с последующим вечным поселением в Сибири — не смогли сломить этого одиночку-бунтаря: везде, где бы он ни был, Зайчневский брался за свое — проповедовал, пропагандировал, зажигал. Влияние Зайчневского на молодежь, которая попадала в сферу его притяжения, было огромным. У него были десятки учеников по всей России, под его влиянием сформировались и такие видные революционеры, как Мария Николаевна Оловенникова (Ошанина) и Василий Петрович Арцыбушев.

Всегдашнюю обстановку, которая окружала Зайчневского и в которой жила в то время Мария Петровна, лучше всего описывает она сама: «Я помню конспиративную и собственную квартиру его в Костроме. Кто только не заходил туда! Там бывали люди самых различных положений и возрастов. Можно было встретить и учащихся, приезжающих на каникулы из Петера и Москвы, и учащихся в Костроме, и рабочих из типографии Андрониковой, и чиновников, и заезжих актеров, и каких-то барынь, грузчиков с парохода, и даже мальчишек из зеленой лавки... Одни приходили к нему, чтобы послушать его, другие советоваться, что и как им читать, третьи за книгами, четвертые за советами по своим профессиональным, а то и по личным делам. И для каждого Зайчневский находил ответы, попадал, что называется, в точку. Его необыкновенно хорошее отношение к людям чувствовалось в особенности в организации; каждый из нас сознавал, что он не только на словах, но и на деле с одинаковым уважением относился к каждому из нас, какую бы маленькую работу ни выполняли, лишь бы выполняли честно».

Зайчневский, несмотря на двадцатилетнее гонение,

не выглядел великомуучеником, во всем его облике чувствовался борец, для которого борьба, неуемное постоянное горение были родной стихией. Неправильные, резкие черты лица, огромный лоб, глубоко сидящие под массивными шишками надбровий глаза, волевые очертания рта, могучий голос, яркая образная речь — весь облик Зайчневского производил неизгладимое впечатление.

В Костроме Мария Петровна устроила Зайчневскому несколько свиданий со старыми революционерами, в том числе с Сергеем Ивановым, известным народовольцем, заключенным впоследствии пожизненно в Шлиссельбургскую крепость. «Я часто присутствовала при его беседах с народовольцами, — вспоминала Мария Петровна, — но помню только общее впечатление; это общее впечатление говорит за то, что Зайчневский определенно отрицательно относится к террору как средству борьбы и 1-е марта считал большой политической ошибкой. Своих учеников, отошедших в конце 70-х годов к народовольцам, он считал изменниками, хотя, и гордился ими как стойкими революционерами».

Зайчневский был потрясен событием на Сенатской площади. Среди участников покушения были и его «орлята» — члены орловского кружка, которым он руководил в промежутке между двумя ссылками. Он считал, что террор более дезорганизует саму террористическую партию, чем правительство, и мнение это история наглядно, на примере партии социалистов-революционеров, подтвердила.

Несмотря на разницу лет, между Зайчневским и Ясневой завязались очень близкие дружеские отношения. Мария Петровна попала в сферу жандармского наблюдения. «Отношения Зайчневского с Ясневой, — говорится в одном из более поздних жандармских документов,

относятся еще к началу 80-х годов, когда он был в ссылке в Костроме. Яснева была в то время учительницей там, а Зайчневский жил на помощь, которую она ему оказывала».

В начале 80-х годов у Зайчневского окончательно складывается его теория будущей революции. Она была построена под сильным влиянием его французских духовных собратьев — Бланки и якобинцев. «Будущая русская революция будет неумолимой и беспощадной, как и французская 1789 года», — утверждал он. Опираясь на недовольство народных масс, на передовую интеллигенцию и завоеванный на свою сторону командный состав армии («солдат большей частью идет за своим офицером»), группа революционеров должна захватить власть, поставить своих комиссаров, немедленно издать декреты и провести ряд реформ, в корне меняющих существующий правопорядок, и только после этого созвать Учредительное собрание. Зайчневскому казалось, что в его теории учтены все ошибки и промахи французской революции, в конце концов погубившие ее.

Много учил Зайчневский своих товарищих и навыкам конспирации. Горький опыт русских революционеров, опыт всех предыдущих провалов, предательств и шпионажа навел Зайчневского на мысль создать строго централизованную сеть кружков, во главе которой стоит центральный «высший» кружок, причем все периферийные кружки в целях конспирации не знают о существовании друг друга и связь осуществляют только через представителя центрального кружка.

Эта «якобинская выучка» навыкам конспирации сослужила Марии Петровне в дальнейшем хорошую службу.

«Я часто задаю себе вопрос, — писала она позже,

вспоминая свой путь большевика, — почему у меня не было провалов? Было, думаю, три причины: 1) мой солидный возраст, 2) семейное положение, 3) а главное то, что я прошла хорошую школу якобинской конспирации. Эта же якобинская выучка заставила меня в 11—12 годах отойти от Петербургского комитета, когда к нему близко стала известная уже теперь провокаторша Люся Серова».

Мария Петровна на долгие годы стала верной ученицей и последовательницей Зайчневского. Выполняла она главным образом агитационно-пропагандистскую работу, а после высылки Зайчневского в Сибирь — и организаторскую. Небольшой кружок преданных Зайчневскому лиц был тесно связан дисциплиной, глубокими человеческими отношениями друг с другом и особенно со своим учителем. «Если дело касалось партийных предписаний, то уж он требовал выполнения их беспрекословно, — вспоминала о Зайчневском Мария Петровна. — Я помню наши маленькие мобилизации, если кто-нибудь хоть отдаленно намекал на нежелание ехать, Зайчневский моментально призывал к порядку своей любимой пословицей «иди, кума, в воду — не бультай...»

...В 1885 году Зайчневский был освобожден от надзора полиции и поселился на своей родине — в Орле. Нисколько не изменив своего неуемного характера, он вновь начал «плести» сеть революционной организации и, как сообщало Орловское жандармское управление, «в силу своего революционного прошлого приобрел особое влияние на молодежь». Зайчневскому и его помощникам — Марии Ясневой и Василию Арцыбушеву — удалось создать довольно крупную организацию: якобинские кружки были в Орле, Курске, Смоленске, Москве.

Мария Петровна жила в Орле, потом некоторое время в Москве, где училась на Высших женских курсах. Вместе со своими новыми единомышленниками — Аделаидой Романовой и Александром Орловым — она вела работу среди юнкеров Московского училища и студентов, выполняя также отдельные поручения Зайчневского.

Сам Зайчневский неоднократно наезжал в Москву, где останавливался обыкновенно в «Торговом надворье» на Никольской, имея при этом вид делового человека, интересующегося только собственными коммерческими делами. Мария Петровна, у которой в Москве были обширные связи в смысле квартир, заранее оповещала «публику» и приправляла квартиру.

К 1889 году два главных якобинских кружка находились в Курске и Смоленске. Наиболее сильная курская группа, которой руководил переместившийся туда из Орла осенью 1888 года Арцыбушев, насчитывала несколько десятков человек, среди которых были бывшие ссыльные 1878—1880 годов, учителя, несколько рабочих, интеллигенты-разночинцы.

В Орле после процесса 1887 года народоволки Ольги Гамзагурди полиция установила за всеми ссыльными самое тщательное наблюдение, однако Зайчневский и его друзья действовали безупречно. «Неустанное двухлетнее наблюдение, — доносил в департамент полиции начальник Орловского губернского жандармского управления, — указывает, что Орел делается малопомалу центром скопления значительного числа неблагонадежных лиц, удаленных по политическим причинам из других мест, и что связью между всеми этими лицами являются поселившиеся в Орле бывшие ссыльные Зайчневский, Белоконские, Арцыбушев».

Зимой 1888—1889 годов Зайчневский, Яснева, Рома-

нова организовали якобинский кружок в Смоленске. Кружок состоялся главным образом из молодежи 18—25 лет, бывших гимназистов, семинаристов, реалистов, учеников Смоленского землемерного училища. Здесь вызревали более активные настроения. «Дела наши идут замечательно хорошо,— сообщал один из участников кружка,— есть люди с твердыми убеждениями, которые изъявят свое согласие на какой угодно шаг не по какому-нибудь местному увлечению, а по заранее обдуманному плану». В конце 1888 года группа сообщила о проекте устройства типографии в Смоленске. Вскоре после этого Мария Петровна выехала по вызову Зайчневского в Курск, а оттуда в Смоленск — помочь наладить типографию и заодно закончить свое кандидатское сочинение (высшее образование всем якобинцам вменялось в обязанность). В течение первых двух месяцев 1889 года наборщику смоленской типографии Елишева удалось унести около пуда шрифта, в городе был нелегально пущен подписанной лист на покупку печатного станка.

...В начале марта Мария Петровна вместе с Зайчневским возвратилась в Москву. Высокий, представительный Зайчневский производил неотразимое впечатление своим внушительным видом на публику любого рода. В коридоре гостиных номеров вытянувшийся во весь рост швейцар торжественно вручил ему «адрес» — открытку, посланную по почте от юнкеров Московского Лефортовского училища. Юнкера выражали свой восторг по поводу речи Зайчневского, произнесенной им в прошлый его приезд.

На следующий день у Зайчневского был «прием». Пришли несколько студентов и юнкеров, приглашенных Марией Петровной.

«Нас встретил высокий, представительный старик с

очень живым, молодым лицом,— вспоминал один из них, в будущем известный большевик Сергей Иванович Мицкевич.— Среди серых, вялых, «размагниченных» интеллигентов того времени его прошлое (ссылка и каторга), его молодой пыл и вера в торжество революции, столь необычные в то время, произвели на нас сильнейшее впечатление.

Он стал расспрашивать о политических течениях среди студентов, пожелал познакомиться со студентами. О себе рассказывал, что живет в Орле под надзором полиции, не имеет права выезда, но ему все-таки удается время от времени ездить в Москву. На другой день в небольшом обществе (10—12 человек) он рассказывал о своей жизни на Нерчинской каторге, где он был вместе с П. Ф. Николаевым (по нечаевскому делу) и Чернышевским. С особенным уважением он относился к Чернышевскому. Далее, он говорил, что политическое затишье, переживаемое нами,— временное и необходимо приступить к революционной работе, единственный путь к революции — организация революционных кружков во всех слоях общества... Нужно создать крайне конспиративную организацию и завоевать власть».

Это был последний приезд Зайчневского в Москву. Открытка от юнкеров, по-видимому, была для жандармов зацепкой для производства обысков в Курске, Орле, Москве и нового ареста Зайчневского.

«Должно быть, в конце марта или начале апреля 1889 года я получила известие, что Зайчневский арестован в Орле,— писала Мария Петровна в воспоминаниях о своем учителе.— Моментально, как у нас с ним было условлено, я поехала в Орел, снеслась с тюрьмой, узнала, что на первом допросе жандармы спрашивали о юнкерах и сестрах Кекиевых, проживающих

в Москве. Я помчалась опять в Москву, чтобы предупредить эту молодежь, как она должна держаться на допросе; под видом тетушки или сестры мне удалось проникнуть в юнкерское училище, кажется, в Георгиевское в Лефортове; внущила юнкерам, как они должны держаться на допросе, то же самое сделала и по отношению к Кекишевым. Юнкера, как по команде, очень хорошо держались на допросе (это выяснилось потом в деле), лишь один из бывших юнкеров, уже офицер в то время, по фамилии Искра, болтал чересчур много. После этого опять должна была вернуться в Орел, чтобы ликвидировать кой- какие дела, но вскоре была тоже арестована и посажена в Орловскую тюрьму. Таким образом, в Орловской тюрьме сидело нас трое: Зайчневский, Романова и я. Сидя в тюрьме, я уже знала, что в Курске арестованы Арцыбушев, Вознесенский и еще несколько человек. Юнкера отделались, кажется, домашним арестом, а вот в Москве как будто бы были арестованы Орлов, Второв».

Дознание было длинным и кропотливым, жандармы намеревались создать громкое «общероссийское дело», но выпытать им удалось немного.

Потянулись долгие тюремные дни. В конце 1890 года, после полуторагодовой «котсидки», пошел в Сибирь Василий Петрович Арцыбушев, а весной 1891 года туда же в последнюю свою ссылку отбыл Петр Григорьевич Зайчневский. Дознание о Ясневой и Романовой было разрешено административным порядком. 22 августа 1890 года Мария Яснева была освобождена из тюрьмы и подчинена гласному надзору полиции. Зиму 1890—1891 годов она оставалась в Орле, весной была выслана в Самару.

* * *

«Первое мое знакомство с Саратовом относится к весне 1891 года, когда проездом в Самарскую ссылку я там прожила полтора-два месяца,— пишет Мария Петровна в своих воспоминаниях о Саратове.— После тюрьмы и тихого Орла Саратов произвел на меня впечатление большого города. Внешне живой, бойкий город. С первого же знакомства чувствовалось наличие революционно настроенной интеллигенции исключительно народнического направления. Правда, тогда же я познакомилась с марксистом Саниным, в недалеком будущем редактором «Самарского вестника»— первой социал-демократической легальной газеты».

В Саратове в это время центральной фигурой, вокруг которой группировался кружок опытных революционеров, положивших вскоре начало «Партии народного права», был известный народоволец Марк Натансон. Небольшой кружок молодежи вела якобинка Аделаида Романова. Была еще группа, где большим авторитетом пользовалась Кускова — в будущем автор «Кредо». Все эти группы соревновались за влияние на саратовскую молодежь. Но в общем, Марк Натансон, один из пионеров народничества 70-х годов, диктовал свою волю «самодержавно». Особенно это чувствовалось на «четвергах» в «Обществе изящных искусств», где под видом чтения рефератов на «изящно-литературные» темы обсуждались политические вопросы, правда, довольно робко и осторожно. «Натансон на этих вечерах никогда не выступал открыто, — вспоминал один из участников «четвергов», — но дух его витал над ними и направлял их в русло «народоправства» — попытки объединить революционные силы с либеральными для общей борьбы с самодержавием».

Однако и в Саратов к этому времени проникли новые веяния. Собралась группа «безусой» молодежи, (Петр Румянцев, Алексей Санин и Петр Маслов), объявившая себя марксистами и пошедшая вразрез с общим течением. «Общество» не приняло этих «отщепенцев», объявило их «прислужниками капитализма» и решило не пускать на свои собрания.

Мария Петровна довольно близко познакомилась с Саниным — «заядлым» марксистом. Санин только что вышел из петербургской «предварилки» и сидел над переводом книги Маркса «К критике политической экономии». Это был типичный представитель «бури и натиска» молодого марксизма, начинавшего свое триумфальное завоевание лучших умов огромной страны. Марию Петровну поразило тогда его безоглядное наступление на старые авторитеты, на старые догмы, утратившие свое революционное содержание.

В первых числах мая, с началом навигации на Волге, Мария Петровна выехала пароходом в Самару, определенную ей в качестве места ссылки.

В Самаре в отличие от Саратова не было такого засилья народников, да и марксистская молодежь не выглядела гонимыми одиночками. Первое «саратовское» знакомство Марии Петровны с идеями марксизма продолжалось; встречи, беседы, разговоры с Владимиром Ильичем дали ей ясное и полное представление о сущности и будущем этого учения.

Всю зиму 1891—1892 годов Мария Петровна работала у самарского земского статистика Ивана Марковича Красноперова. Красноперов был колоритной фигурой на «самарском небосклоне», типичным представителем народничества 70-х годов. В 1863 году он участвовал в так называемом «казанском заговоре» — подготовке крестьянского восстания в Казанской губ-

берни, задуманного группой участников с целью отвлечь внимание царя, а также часть войск из Польши, где мечом и кровью подавлялось польское национальное восстание. Заговор был раскрыт до начала его осуществления. Краснoperов вместе с другими участниками был арестован, приговорен к каторжным работам, но отделался лишь недолгим тюремным заключением.

После перенесенных страданий, нравственных и житейских, Краснoperов осел в Самаре благонамеренным обывателем, забыл все «грехи» молодости и с головой ушел в любимое дело — земскую статистику. Краснoperов сотрудничал в центральных изданиях, публикуя статьи по земским крестьянским вопросам.

В 1891 году все Поволжье было поражено засухой, принесшей с собой и неурожай, и голод. Как заведующий статистическим отделом и вообще человек со связями в административном мире, Краснoperов в духе своих прошлых народнических идеалов одним из первых в Самаре решил положить жизнь «за други свои». Вместе с князем Щербатовым — заведующим общественными работами — и высшим духовенством в лице преосвященного о. Владимира, организовавшего епархиальный благотворительный комитет, Краснoperов руководил в Самаре организацией борьбы с голодом: привлекал к этому делу молодежь, организовывал филантропические пожертвования, общественные столовые для питания голодающих и квартиры для крестьян, пришедших из голодных уездов в поисках работы. В этом ему помогала молодежь, приезжая и местная, — студенты, военные, мелкая чиновная интеллигенция, священники. Многие из них весной 1892 года двинулись в уезды, где работали «в народе» вплоть до начала холерных бунтов. Позже, в 1898 году, Краснoperов опубли-

ковал в журнале «Мир божий» свои воспоминания о 1891 году. В них в самом умиленном патриархально-верноподданическом духе он воспроизводил факты и набрасывал зарисовки той знаменательной в жизни русского общества зимы.

«В один из декабрьских воскресных дней, в одной из рабочих квартир, в которой помещалось 500 рабочих, было устроено празднество. В 2 часа пополудни в квартиру вошли губернатор и кн. Щербатов со своими женами, человек 20—30 местной интеллигенции и мы, статистики. Человек 50 рабочих стояли впереди у окна и стройно пели божественные гимны под руководством своего регента. Остальная масса рабочих стояла на нарах. После пения всех рабочих обнесли чаем. В. О. Португалов прочитал лекцию о пьянстве, священник о. Лаврский о том, как Иисус Христос жил на земле и чему учил народ».

Молодежь, политические ссыльные, сами того не подозревая, вели работу в духе «православия и народности», т. е. сотрудничали с царской администрацией. Конечно, последняя была только в восторге от этого.

«Из всей самарской ссылки,— вспоминала позже Мария Петровна,— только Владимир Ильич и я не принимали участия в работах этих столовых. Конечно, не нежелание помочь голодающим руководило в данном случае отзывчивым к чужому горю юношей; он считал, что пути революционера должны быть иные».

Понятно, как Владимиру Ульянову и Марии Ясневой было трудно удержаться на такой позиции: Водовозов, к этому времени «идейный» противник Владимира Ильича, кричал на всех углах, что Ульянов против кормления голодающих, что он считает голодявлением прогрессивного порядка. Владимир Ильич и

Мария Петровна имели с ним несколько прямых стычек по поводу участия в комитете помощи голодающим. Не одобрял их позиции и Красноперов.

«Всегда, везде и всюду и во всяком случае,— писал об этой позиции молодого Ульянова участник самарского кружка Ленина А. А. Беляков,— Владимир Ильич утверждал только одно, что в помощи голодающим не только революционеры, но и радикалы не должны выступать вместе с полицией, губернаторами, вместе с правительством — единственным виновником голода и «всероссийского разорения».

Для Марии Петровны эта принципиальная позиция тоже не была случайной. Значительно позже, в начале 1900 годов, имея в общем весьма отдаленное отношение к земству, она опубликовала в «Саратовской земской неделе» статью «Нищенство в деревне». Обобщив в ней данные 442 сообщений с мест о наличии, причинах и характере этого типично российского явления, она замечает с откровенностью, какая была только возможна в условиях царской цензуры: «Нищенство в нашей деревне оказывается весьма распространенным явлением, но это не профессия, это результат крайнего обеднения вследствие неурожая, это — печальная необходимость». Последовавшая вскоре пора «холерных бунтов» показала всю правоту ленинской позиции. Дикая форма холерных беспорядков, в которые выливались волнения крестьян, доведенных до отчаяния голодом, избиения врачей и фельдшеров, разгром холерных бараков темной, обезумевшей от страха толпой свидетельствовали о том, насколько призрачны были упования народников на «социалистические инстинкты» русской деревни, насколько смехотворна была вся «положительная» деятельность либералов и народников на ниве русского самодержавия.

Лето 1892 года было знойным и удушливым. Волга обмелела. По ночам над Самарой поднимались высокие зарева — горели от засухи жигулевские леса. Шумный город, еще недавно переполненный толпами голодных крестьян, присмирел, притих.

В августе Мария Петровна вместе с Аделандой Романовой уехала в Сибирь к сосланным товарищам по якобинской организации, «на поклон» к Зайчневскому, как иронически говорили в кружке Скляренко.

В Иркутске в это время собралась весьма значительная колония ссыльных, главным образом народников и народовольцев. Было и несколько социал-демократов, среди них видные руководители первых марксистских кружков в Петербурге М. И. Бруснев и В. С. Голубев. В Иркутске жил П. Г. Зайчневский, сюда же наезжал В. П. Арцыбушев, отбывавший ссылку в селе Тасеево Иркутской губернии.

В то время Иркутск, как и любой другой город Российской империи, в котором сходились «под одной крышей» народники и социал-демократы, жил бурными спорами о дальнейших судьбах России. Теоретические диспуты по наиболее жгучему вопросу тогдашней русской действительности — быть или не быть капитализму в России — доходили до необычайной страстности. «Ни раньше, ни после я никогда не видел собрания в одном месте такого количества благороднейших, чистейших революционных борцов», — вспоминал об Иркутской колонии этих лет Л. Б. Красин.

Присутствуя на собраниях ссыльных, в этой спорящей, мыслящей, глубоко интеллектуальной среде, Мария Петровна не раз ловила себя на одной горькой мысли: они, якобинцы, остались в стороне от магистральных путей революции, их надежда на какой-то неопределенный «народ», который в нужную минуту

поддержит инициативное революционное меньшинство, — идея глубоко утопичная и несбыточная.

Зайчневский, как и прежде, несмотря на подорванное здоровье и начинавшие уже «гнуть» его годы, оставался верен себе среди этой буйной молодой поросли революционеров. Товарищи, которые шли вместе с ним по этапу, рассказывали Марии Петровне, как он, лежа на нарах в Бутырской тюрьме, на память читал лекции по истории французской революции, политической экономии.

В декабре 1892 года Мария Петровна ездила ненадолго к Арцыбушеву в село Тасеево Канского округа и нашла его там уже «определенным марксистом». Арцыбушев засел за «Капитал» «всерьез и надолго».

В ссылке Мария Петровна близко познакомилась с Василием Семеновичем Голубевым, будущим своим мужем. Голубев шел с Зайчневским в Сибирь одним этапом. Один из пионеров марксистского движения в России, руководитель первых рабочих кружков в Петербурге, автор первой рукописной рабочей газеты, знаменитого адреса от рабочих писателю-публицисту Н. В. Шелгунову, Голубев был арестован в 1891 году за организацию похорон Шелгунова, превратившихся благодаря участию рабочих в событие большого революционного значения. Дальнейшая его судьба, безусловно, поучительна. Позже, в Саратове, он считался «столпом марксизма» и обыкновенно на диспутах с народниками, народоправцами и будущими «маститыми» эсерами выступал в качестве марксистского оппонента. Однако, работая с 1901 года в земских органах секретарем Саратовской земской управы, редактором «Саратовской земской недели», он постепенно отрывается от живой революционной практики и с головой уходит в земское дело. В дни оживления либеральной оппози-

ции и земской кампании 1904—1905 годов он окончательно уверовал в «силу земской идеи», в «живучесть земского самосознания». Человек честный и исключительно работоспособный, он пытался найти на «самодержавной ниве» большую, полезную для народа работу, надеялся на какие-то милости царя, испытывал надежды и разочарования и умер очень рано — 47 лет.

...Все эти встречи Марии Петровны с марксистами, новые знакомства, влияния, среди которых решающими были, безусловно, самарские беседы с Владимиром Ильичем, пробили, как она позже сама признавалась, основательную брешь в ее якобинском мировоззрении. «Оставаясь организационно с якобинцами, я уже с начала 90-х годов вела работу в духе учения Ленина», — записала она позже в своей автобиографии. Мария Моисеевна Эссен, близко познакомившаяся и подружившаяся с Марией Петровной в 1896 году, вспоминала о ней как якобинке, но «на какой-то свой особый лад».

Летом 1893 года Мария Петровна вернулась в Центральную Россию. Снова приехала в Самару, ставшую ее основным пристанищем за последние два года. Поначалу хотела опять устроиться к Красноперову, но оказалось, что тот уже «с повышением» перевелся поближе к Москве — в Тверское губернское земство.

Мария Петровна решила перебраться в Москву. Вышло так, что до самого Нижнего вместе с ней ехали Владимир Ильич и вся семья Ульяновых, также направлявшиеся в Москву. Стояли жаркие августовские дни. После Жигулей по обеим сторонам потянулись унылые безлесные волжские берега. Мария Петровна просиживала на палубе с Владимиром Ильичем от рассвета и до захода солнца. Он был непривычно возбуж-

ден, много говорил, иногда вытаскивал тетрадочки, исписанные сплошь мелким энергичным почерком, и читал оттуда выдержки.

«Была ли в этих тетрадках в черновом виде его вышедшая теперь книжка «Что такое друзья народа», — вспоминала Мария Петровна в 1924 году, — или какая-нибудь другая написанная им вещь, но во всяком случае прочитанные им выдержки вырисовывали его как вполне сложившегося марксиста-революционера, а ему был лишь 23-й год».

* * *

Три года ушли на частые переезды, поиски единомышленников, организационную работу. Самара, Нижний Новгород, Тверь, Москва, Смоленск, Орел, Кострома, Саратов... Жандармские управления сбились с ног, разыскивая ее с целью учреждения негласного надзора, списываясь между собой, объявляя розыск ее то в одной, то в другой губернии.

Некоторое время Мария Петровна жила в Твери, работала у Краснoperова. Тверь устраивала ее тем, что отсюда было близко до Москвы, куда можно было наезжать нелегально, чтобы восстановливать прерванные связи. В Москве жили Ульяновы, и Мария Петровна поддерживала связи с симпатичными ей сестрами Владимира Ильича и Марией Александровной.

В один из нелегальных приездов Владимира Ильича из Петербурга в Москву они встретились снова, на этот раз при весьма оригинальных обстоятельствах.

Владимир Ильич через общих знакомых попросил ее подыскать квартиру, где бы он мог встретиться с двумя московскими товарищами. Мария Петровна решила устроить это свидание у своей сестры, бывшей замужем за частным приставом Халтуриным.

Естественно, выбрали время, когда хозяина не было дома. Владимир Ильич пришел несколько раньше, чтобы успеть переговорить с Марией Петровной. Неожиданно вернулся пристав. Он сел к столу, а узнав, что пришла Мария Петровна с каким-то «молодым человеком», настоял, чтобы они оба пообедали вместе с ним. Пристав оказался очень общительным человеком и гостеприимным хозяином; чтобы занять гостей, он начал рассказывать о своих мемуарах, которые, по его словам, представляли большой интерес. «Да, это должно быть очень интересно», — поддакивал ему Владимир Ильич несколько раз в течение обеда. Пристав разоткровенничался и даже признался, что писал свои мемуары, сидя в тюрьме за какую-то денежную недостачу.

Товарищи, с которыми должен был повидаться Владимир Ильич, несколько запоздали, и атмосфера гостепринства ничем не была омрачена. Владимир Ильич так расположил к себе пристава, что тот пригласил его «заглянуть как-нибудь вечерком», дабы на досуге, не торопясь, послушать его полицейские мемуары.

Другая встреча была весьма знаменательной по тому времени. Это было в рождественские праздники 1893—1894 годов. Москва после долгого затишья и голодных 1891—1892 годов выглядела оживленно. В городе появилось несколько кружков народовольцев, народо-правцев, культурников. Якобинского кружка в Москве не существовало, и Мария Петровна вращалась преимущественно в среде народовольцев.

«В один из моих приездов в Москву, — вспоминала она, — один из народовольцев дал мне билет на нелегальную вечеринку, очень, мол, «конспиративно» обставленную, где мы соберемся поговорить без замка на устах и обсудим общую линию поведения. «Так как вечеринка предполагает собрать по возможности всех идущих

врозвь, но бьющих вместе, то, может быть, вы приведете с собой еще кого-нибудь, но только интересного». Я подумала, взяла еще билет и отнесла его Владимиру Ильичу. В те времена я была еще выдержанной якобинкой, сравнительно редко видела за этот период Владимира Ильича, но то, что он говорил, так долбило мозг, что мне казалось, что именно он скажет новое слово, укажет новый путь для выхода из того разброда, который царил тогда. Вот почему именно ему, а не кому-либо другому я понесла билет на эту вечеринку. Владимир Ильич согласился не сразу, но все-таки мы отправились».

Вечеринка состоялась в гостеприимном доме Гирша, откупленном несколькими студентами, «в Гиршах на Бронной», как тогда говорили в Москве.

«Гвоздем» довольно многочисленного собрания, где преобладала главным образом студенческая молодежь, были выступления маститых иногородцев, в том числе известного народника Василия Павловича Воронцова, молодого еще тогда Виктора Чернова, знакомого Марии Петровне еще по Саратову народоправца Николая Тютчева.

Для начала был прочтен какой-то унылый, длинный реферат. Мария Петровна во время чтения возмущалась про себя, а по прочтении выразилась вслух: «Стояло ли собирать с такой конспиративностью «избранную» публику, чтобы слушать доклады об аптечках и библиотечках?».

Владimir Ильич, стоявший в толпе молодежи у выхода в другую комнату, до поры до времени молчал. Страсти разгорелись лишь после того, как он по адресу выступавшего Воронцова, подал с места несколько реплик, заставивших все собрание повернуть головы в его сторону — в большинстве своем явно неодобрительно.

Взяв сразу же после Воронцова слово, Владимир Ильич со всем пылом юности и силой убеждения стал разбивать доктрину народников. Один из участников этого памятного собрания так описывал спор маститого народника и молодого марксиста:

«Один из них, несколько пасмурный и рыжебородый, был мне заочно хорошо известен по литературе — то был Василий Павлович Воронцов. На другого мне таинственно указал кто-то: «Обратите внимание на того, молодого с лысинкой: это очень, очень интересный человек, он среди питерских марксистов большая шишка; его брат тоже был крупной величины, он повешен по народовольческому делу». Это был Владимир Ульянов (Ленин). Он показался мне очень невзрачным; его карставящий голос, однако, звучал уверенностью и чувством превосходства. Он производил приемами спора, в общем, весьма благоприятное впечатление.

На него с большим азартом налетел В. П. Воронцов, приставая к нему, что называется, как с ножом к горлу: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что дает Вам право утверждать подобные вещи; предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, свой анализ дал Николай-он¹ (в то время только что появились его «Очерки»). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!» Этот способ аргументации на нас не производил впечатления; что всякое молодое направление не может сразу предъявить фундаментальных трудов, — было нам понятно и в наших глазах не могло его дискредитировать. В. П. Воронцов, ка-

¹ Николай-он — Даниэльсон, переводчик «Капитала» К. Маркса и автор нескольких работ в духе легального народничества.

залось нам, злоупотребляет случайными выгодами такой несущественной вещи, как историческое первородство его направления. Ульянов «огрызался» очень успешно, деловито, слегка насмешливо и хладнокровно».

В конце концов Воронцов «заявил» в споре, стал сбавлять тон и наконец, как вспоминает Анна Ильинична, «стушевался».

Марксистская молодежь торжествовала победу. Не дождавшись конца вечеринки, Владимир Ильич, Анна Ильинична, Марк Тимофеевич и Мария Петровна ушли.

— С кем это я спорил? — спросил у Марии Петровны Владимир Ильич.

— Да с В. В.¹ — Воронзовым.

Владимир Ильич рассердился.

— Что же вы не сказали мне раньше? Если бы я знал, что это Воронцов, я бы и спорить с ним не стал.

«Я поняла эти его слова в том смысле, что он считал спор с В. В. бесполезным, — вспомниала Мария Петровна, — все равно, мол, его не переубедишь, — и потому стала оспаривать целесообразность такого спора и доказывать, какое большое значение он имел для слушателей. И действительно, впечатление, произведенное речами Владимира Ильича, было громадное, о нем говорили, как о новой звезде, появившейся на горизонте, — одни с удовольствием и удовлетворением, другие с завистью и оглядкой, — что, мол, из этого будет».

Весной 1895 года вернулся из иркутской ссылки Василий Семенович Голубев. Приехал в Тверь, где жила в то время Мария Петровна. Положение обоих было незавидным: назойливо опекали жандармы — продолжался негласный надзор полиции. Василий Семенович оставался без образования, без определенной профессии — не-

¹ В. В. — литературный псевдоним В. П. Воронцова.

доучившимся студентом по Петербургу и фельдшером городской больницы по Иркутску. Здоровье было подорвано ссылкой, все прежние связи утрачены. Он съездил в Петербург, где жила его одинокая мать с двумя сестрами и богатый дядюшка в чине жандармского полковника. Последний предложил ему бросить увлечения молодости и заняться карьерой, — он считал своим долгом перед сестрой устроить ее сыну «приличную жизнь». Василий Семенович от помощи отказался.

Осенью 1895 года возвратился из ссылки Зайчевский. Поселился в Смоленске у известного народника — литератора В. Я. Богучарского.

В январе 1896 года Мария Петровна и Василий Семенович тоже приехали в Смоленск. Там 26 января они поженились.

Зайчевский был очень плох, хотя лет ему было еще не так много: последние два года тюрьмы и пять лет ссылки сделали свое дело. 2 февраля 1896 года он прошел в Смоленске блестящий реферат об анархизме (сам он был, как вспоминала Мария Петровна, «большой государственник»), на следующий день слег в постель. 19 марта 1896 года умер. «Даже в бреду на смертном одре он все спорил с Лавровым, кому-то все доказывал, что недалеко то время, когда человечество одной ногой шагнет в светлое царство социализма», — вспомнила Мария Петровна.

При последних минутах его присутствовали трое: Голубевы и Богучарский...

* * *

«22 октября 1896 года, — как зафиксировала саратовская охранка, — Голубевы прибыли в Саратов, остановились на Царицынской, 11». Это была третья поездка Ма-

рии Петровны в «столицу Поволжья». В 1895 году, незадолго до возвращения Зайчневского из Сибири, она приезжала сюда к Романовой и ее брату — позондировать почву насчет создания якобинского кружка.

«В этот период внешние впечатления от Саратова, — писала она, — затушевывались для меня внутрипартийными переживаниями. Дело в том, что, оставаясь организационно в рядах якобинцев, идеологически я далеко ушла от них к революционному марксизму».

К этому времени вышла уже наделавшая много шума книга Струве «Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России». Народники взяли из нее одну печально известную фразу — «пойдем на выучку к капитализму» — как «последнее слово» марксизма и без конца твердили в адрес всех приверженцев нового для России учения, что они — «лакеи капитала». Вслед за книжкой Струве вышла статья Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», поставившая все на свои места. Дав хорошую отповедь народникам, Ленин одновременно вскрыл буржуазную сущность теории Струве. Жажда изучения марксизма охватила всю мыслящую Россию. Даже эсераы взялись за «Капитал» и были на распутье.

В конце 1896 года на квартире Голубевых в Саратове стал собираться небольшой марксистский кружок. В него входили приехавшая незадолго до этого в Саратов и близко подружившаяся с Голубевыми Мария Моисеевна Берцинская (Эссен), Подбельский, Колобов, Беляков, Ионов и другие.

«У нас образовался небольшой марксистский кружок, — вспоминала Мария Моисеевна Эссен. — Мы читали вслух на немецком языке «Борьбу классов», «Нищету философии» и другие книги Маркса. Читали, что называется, взасос, восхищаясь каждой мыслью, каждой

фразой. На немецком языке, который мы знали плохо-
вально, каждая усвоенная мысль приобретала особенное
значение и смысл».

Марксистский кружок, собиравшийся у Голубевых, стремился выйти за пределы комнатного существования. Осенью 1896 года В. С. Голубев и М. И. Эссен ездили в Самару для объединения с редакторами начавшего издаваться там «Самарского вестника» — первой легальной марксистской газеты в провинции. Саратовцы В. С. Голубев и Н. П. Подбельский стали ее постоянными сотрудниками.

Существовали и некоторые связи с рабочими. Голубев и Колобов работали среди типографских рабочих, представлявших в то время благодаря существованию «Общества книгопечатников» сплоченную силу. Мария Эссен, Михаил Беляков и Сергей Ионов вместе со стоявшим близко к кружку Павлом Варфоломеевичем Точисским, организатором одного из первых марксистских кружков в Петербурге, вели работу среди железнодорожников. Мария Петровна работала среди учащейся молодежи. В 1898 году после известных событий в Златоусте в Саратов приехали уральские рабочие. Почти все они устроились на строящемся тогда Волжском сталелитейном заводе. Своей «заряженностью» уральскими событиями, стремлением к активной революционной деятельности они выгодно отличались от других рабочих. «Это для Саратова было в некотором роде событием, — вспоминала Мария Петровна о приезде уральцев. Среди приехавших были два мастера из рабочих — Рогожников и Тютев — с определенной рекомендацией, что это люди свои, настроенные революционно. Началась за них борьба с эсерами: ведь через них получалась связь с заводом. Скоро с ними перезнакомились все саратовцы, желавшие проникнуть на завод. На масленице под пред-

логом блинов устроили собрание. После осмотра марк-новского цеха, в котором работал Тютев, мы сошлись на квартире Рогожникова».

Но в общем почва для пропаганды в рабочих кружках была далеко не благоприятная. Саратов был в основном мещанским городом, промышленного пролетариата было немного, и он не имел еще опыта классовой борьбы. Высланные же из других городов рабочие, как правило, были приверженцами «Рабочей мысли», экономистами, фактор политической борьбы ими отвергался. Кроме того, они держались кастово, блюли только свои «рабочие» интересы, которые тогда сводились к известной формуле — «копеечку на рубль», и, как вспоминал один из организаторов первого социал-демократического комитета в Саратове П. А. Лебедев, «необыкновенно гордились своим рабочим происхождением и своим полузнайством».

Первое «партийное крещение» Голубевой как марксиста состоялось в 1899 году. Однажды в кружок, с которым она занималась, принесли кусковское «Кредо». Принесла его Конкордия Захарова, в будущем жена Мартова, ярая меньшевичка. Стали его все вместе разбирать: отрицание политической борьбы с самодержавием, зато проповедь борьбы за «пятачок». «Рабочие еще настолько несознательны, что куда им до политических вопросов». Мария Петровна в резких выражениях выступала против этих утверждений. «Об этом, по-видимому, рассказали комитетчикам, — писала она позже, — и на следующее занятие пришла Надежда Архангельская, видный член комитета¹. Дала мне генеральное сражение в защиту «Кредо», после чего наши дороги разошлись».

¹ Будущего социал-демократического комитета, созданного весной 1901 года.

* * *

В декабре 1900 года вышел первый номер «Искры». Весть об этом дошла в Саратов через месяц. Ее привез из Петербурга В. П. Арцыбушев.

После второго своего «путешествия в сибирские тундры» Арцыбушев поселился в Красноярске, где организовал и стал вести кружок учащейся молодежи. «Капитал» Маркса стал к этому времени его «евангелием», настольной книгой, с которой он не расставался уже до самой смерти. В начале 1900 года он переехал в Петербург, где активно включился в социал-демократическую работу. Однако вскоре жандармы постоянной слежкой и преследованиями сделали его дальнейшее пребывание в столице невозможным.

26 января 1901 года в сопровождении трех петербургских шпиков, к которым присоединились в Москве двое московских, Арцыбушев приехал в Саратов. Через свою петербургскую знакомую — курсистку Наталью Раскину — он узнал адрес Марии Петровны и в первую очередь направился к ней. Встреча была неожиданной и радостной: ведь они не виделись семь с лишним лет. Проговорили несколько часов. Вспоминали Зайчневского, друзей по якобинской организации, которых разметало по всем далеким углам России. Росточек якобинства, теплившийся в течение многих лет благодаря энтузиазму нескольких одиночек, не привился в России. Зато стали ясны иные пути.

Арцыбушев сообщил о выходе за границей «Искры», горячо и красноречиво раскрыл идею общерусской рабочей газеты и сразу же предложил Марии Петровне взять на себя некоторые обязанности: доставать деньги на «Искру», находить адреса для ее пересылки в Саратов почтой.

В. П. Арцыбушев.

«Агитировать меня особенно не приходилось, — вспомнила Мария Петровна, — я, конечно, сразу согласилась».

Перебрали всех знакомых, кто мог бы оказать на первых порах действительную помощь. Таких набралось немного. Молодежи в городе было достаточно: местной и высланной (петербургских ссыльных рабочих и студентов), но объединяющего центра, по существу, не было, каждый действовал по собственной инициативе, без всякого плана, не думая о результатах своей работы. Это была эпоха «малых дел», кустарщины, политического разброда, пора пышного расцвета экономизма. «Обработкой» рабочих в этом плане активнейшим образом занимались либералы-«культурники», «рабочедельцы», организовавшие несколько кружков в Саратове. Местные деятели и деятельницы этого плана после стычки из-за «Кредо» относились к Марии Петровне неприязненно; рассчитывать же на рабочих, подозрительно относившихся к интеллигенции, к ее разговорам о политической борьбе, тоже не приходилось.

Арцыбушев ответил на этот «грустный» рассказ своим любимым изречением — словами, которые Маркс предположил к «Капиталу»: «Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят».

Обоим перевалило за четвертый десяток... Семья, дети. Чувство усталости от многолетней тяжелой борьбы, казалось бы не принесшей ни плодов, ни удовлетворения. Не слишком ли поздно пересматривать все, чем жилось и дышалось многие годы, не слишком ли поздно начинать все сначала? Но Арцыбушев не сомневался, он давно целиком подчинил свою жизнь революционной борьбе. Мария Петровна по своему большому опыту, опыту профессионального революционера, тоже чувствовала: настоящее еще только начинается.

За Арцыбушевым в Саратове было установлено наблюдение, директор департамента полиции Зволянский предлагал начальнику Саратовского губернского жандармского управления независимо от негласного надзора организовать за ним «самое тщательное секретное наблюдение». Понимая, что находится на грани ареста, Арцыбушев держался как можно более конспиративно. Поселившись в снятой им комнате по Аничковской улице, он первое время почти никуда не выходил и лишь в феврале с помощью Марии Петровны устроился по вольному найму — приводить в порядок библиотеку губернской управы. В начале марта 1901 года в Петербурге на Казанской площади состоялась студенческая демонстрация, закончившаяся столкновением с полицией и избиением демонстрантов. В числе арестованных было много саратовцев. 24 марта по телеграмме Зволянского Арцыбушев был арестован. При обыске были взяты рукописи, переписка. Однако почти все уличающие документы удалось уничтожить, перед самым арестом Арцыбушев был предупрежден Натальей Раскиной. 25 марта в сопровождении двух жандармских унтер-офицеров с двумя тюками «обличающих документов» Арцыбушев отбыл в Петербург.

В конце марта в Саратове появились «мартовцы» — высланная из Петербурга за демонстрацию студенческая молодежь. Среди них была Анна Паромова, представительница «Искры». В феврале 1902 года из Самары приехал Егор Васильевич Барамзин, знакомый с Владимиром Ильичем и Крупской еще по минусинской ссылке, где он в числе 17 ссыльных вместе с Лениным подписал протест против «Кредо» Кусковой и Прокоповича. Барамзин был твердым искровцем, имел связи с Самарой, где жили Кржижановские. В феврале он пишет из Саратова первое письмо в редакцию «Искры».

«Барамзин был направлен ко мне, — вспоминала Ма-

рия Петровна, — и мы начали с ним организовывать искровскую группу. В нее вошли несколько человек из высланной молодежи. Близко стали к группе Наталка Раскина, заводившая связи с местной молодежью, и Лидия Шустова. За мной, как коренной саратовкой, имевшей связи, оставлены были функции по сбору денег и налаживанию искровского транспорта. Я же должна была служить связью между группой и приезжавшими представителями «Искры», принимать их, устраивать свидания с саратовцами, информировать о положении. Барамзин взял на себя обязанности информировать «Искру» о положении в городе и организации, наладить связи с «рабочим комитетом».

На первых порах хорошо помогала так называемая «периферия» — молодежь, не входившая в группу, но проявлявшая сочувствие революционным идеям, выполнявшая всякие поручения, главным образом по хранению и распространению литературы. У Марии Петровны были хорошие связи с фельдшерской школой, где она долгое время вела кружок, ее помощниками стали слушательницы школы Мария Бердичевская, Анна Вейсман, Елизавета Заварина, Ревекка Броварская, Розалия Лихтер — в будущем все активные участницы революционного движения.

Первое время не отказывался помогать деньгами «культурный» слой города — земцы, либералы, культурники. Они живо интересовались новой газетой, не принимая особенно во внимание ее цели и характер. Разница между «Искрой» и «Освобождением» Петра Струве, которая тем же нелегальным путем переправлялась из-за границы, они не видели. Холеный барин, аристократ до мозга костей, камер-юнкер его величества граф Нессельроде давал за прочтение номера «Искры» по 200 рублей.

Труднее было достать адреса для присылки «Искры». «Охотников читать «Искру» было много, — вспоминала Мария Петровна, — а получать ее — уже гораздо меньше. Приходилось очень изощряться, пользуясь подчас курьезными связями, иногда с большим риском. Помню, например, я использовала адрес портнихи, которая шила на моих детей. Нужно было морочить ей голову, что переписываюсь тайком от мужа и потому на свой адрес и свое имя получать не могу и т. п.»

Летом 1901 года в Россию прибыл с целью устройства искровского транспорта Николай Бауман, установивший хорошие связи с Саратовом, где у него было много знакомых еще по работе его в Саратовском уезде в 1896—1897 годах. Большое значение на первых порах приобретала регулярная беспрерывная доставка «Искры» на места, ее распространение среди рабочих и в социал-демократических организациях. Организатор первой нелегальной типографии «Искры» в России Лев Гольдман писал в это время в редакцию «Искры»: «Экономизм, беспринципность и особенно кустарнический характер русского рабочего движения свили себе такое прочное гнездо в большинстве комитетов партии, что несколько сот номеров «Искры», попадающих в Россию, не могут оказать никакого влияния... Нет! Не отдельными неправильно и не по порядку выходящими номерами «Искры» можно сколько-нибудь революционизировать русские комитеты. Их нужно хлестать «Искрой» беспрестанно, так, чтобы искры сыпались, засыпать «Искрой».

Для Саратова эти слова имели большой смысл. «Рабочий комитет», издающий свою «Рабочую газету», имевшую экономизм своим исповеданием веры, отнесся к «Искре» с большим подозрением. Комитетчики считали ее «чересчур умственной», для широкого распространения не годящейся. Не нравилась им и та полемика,

которую «Искра» вела с экономистами и рабочедельцами.

Весной 1901 года в Саратове образовался социал-демократический комитет. Действовал он первое время конспиративно, почти никто о его существовании не знал. Почти одновременно с ним возникли еще две организации: «ремесленный союз» и «объединенка» — «объединенная группа социал-демократов и социалистов-революционеров». В обеих социал-демократах уживались в одной компании с социалистами-революционерами. Социал-демократический комитет, по существу, не имел своего лица, по ряду вопросов он солидаризировался с «рабочим комитетом», а по некоторым — с «объединенкой» и «ремесленным союзом». Многие из местных деятелей умудрялись состоять в двух, а то и в трех комитетах.

«Большинство публики на стороне «Южного рабочего», — сообщала в октябре 1901 года в редакцию «Искры» Паромова, — про «Искру» же отзываются нелестно: подделывается к либералам, не знает местных условий и часто из-за этого ошибается. Со своей стороны, комитет не делает ни шагу к тому, чтобы ознакомить «Искру» с местными условиями. Недовольны также и отношением «Искры» к «Рабочей газете».

«Первое время приходилось круто, — отмечает Мария Петровна в своих воспоминаниях, — комитет был не наш, актив невелик, и сочувствующих не так-то много». Признание среди рабочих «Искра» получила после того, как на ее страницах появились сообщения о стачках на заводе Гантке и в саратовских железнодорожных мастерских. Рабочие увидели: о них помнят, знают их нужды, готовы помочь в борьбе не за «пятачок на рубль», а за их политические права, за их экономическое раскрепощение.

В середине марта 1902 года в Саратове состоялись похороны бывшего политического ссыльного Эммануила

Сафоновича Шахова, умершего 12 марта от чахотки в одной из саратовских больниц.

Организаторами похорон были Мария Петровна Голубева и рабочий Александр Михайлович Морозов, близко знавшие Шахова. Мария Петровна и Василий Семенович Голубев помнили его еще по иркутской ссылке. В марте 1901 года Шахов приехал в Саратов, где долгое время, как гласноподнадзорный, не мог найти работы, и уже больной, сильно бедствовал. Не смог помочь ему и Василий Семенович, несмотря на то что он, как редактор «Саратовской земской недели», имел большие связи в административном мире. Лишь поздней осенью 1902 года Шахову удалось устроиться чертежником в управление РУжд, но болезнь уже подточила его, и он таял на глазах. Шахов, как мог, боролся с ней, стремился быть активнее, участвовал в социал-демократической работе, посещал рабочие кружки.

В начале февраля он слег. Из больницы прислал письмо Голубевым о своем бедственном положении: в Саратове ни родных, ни близких у него не было. Мария Петровна посещала его два раза в неделю. 12 марта из больницы сообщили, что Шахов умер.

Голубевы вместе с Морозовым взяли на себя все расходы и хлопоты по похоронам.

...Вспомнили похороны Шелгунова в 1891 году в Петербурге. Решили сделать все, чтобы проводы в последний путь Шахова были достойны его памяти. Морозов известил о похоронах членов рабочего комитета: Семена Канатчикова и Поликарпа Лалова, которые обещали привести рабочих, Мария Петровна — революционную молодежь — учеников средне-технического училища и фельдшерской школы, знакомых ей по занятиям в кружках.

Похороны состоялись 14 марта. Небольшая сплоченная группа, в которой преобладали особо и гласнопод-

надзорные, с пением революционных песен прошла через весь город.

«По дороге на кладбище, — доносил саратовский полицмейстер начальнику Саратовского жандармского управления, — по дошедшим частным слухам, сопровождавшие гроб лица пели песни нелегального содержания».

На гроб Шахова были возложены два венка с красными лентами, на которых золотыми буквами было написано: «От учеников-техников — товарищу», «Социал-демократу от товарищей». Третий венок из живых роз возложила на могилу Шахова Мария Петровна.

Слух о похоронах моментально облетел весь город.

К месту погребения явился жандарм. «На могиле было произнесено несколько речей в присутствии полицейского чина, который протеста не выражал, а потом донес», — вспомнила Мария Петровна.

Через несколько дней всех, кто «по частным слухам» и по описанию сторожа больницы был опознан, начали вызывать на допросы в жандармское управление. В канцелярии управления было заведено дело: «О производстве расследования по делу о возложении на могилу умершего в ночь на 12 марта 1902 года Эммануила Сафонова Шахова венка с надписью «Социал-демократу от товарищей». По тем временам возложение такого венка было неслыханной дерзостью. Дело это, несмотря на интерес, проявленный к нему департаментом полиции, окончилось ничем. «Я отделалась довольно благополучно только потому, что, умудренная опытом, принесла на похороны отдельный венок из белых роз и доказала жандармам, что, как добрая знакомая, не могла не похоронить человека, у которого в Саратове нет ни роду, ни племени», — писала Мария Петровна.

Эта маленькая демонстрация была как бы прологом к другой, состоявшейся в Саратове через полтора меся-

ца — 5 мая 1902 года, имевшей громадный резонанс по всей России и открывшей вместе с сормовской и нижегородской демонстрациями новую эпоху в массовом революционном движении.

* * *

В январе 1902 года в Самаре состоялось совещание активных искровцев, обсудивших вопрос о создании общерусской организации «Искры». В принципе он был решен еще в сентябре 1901 года в Мюнхене при встрече Г. М. и З. П. Кржижановских и Владимира Ильича. На совещании присутствовал Барамзин. Было создано ЦК, или бюро, из 16 членов, куда он вошел как представитель саратовской группы. Комитет принял важное постановление об отношении к местным социал-демократическим организациям. «Каждый член ЦК (или бюро), являясь в данное место, должен стремиться к приобретению там наибольшего влияния и иметь конечной целью присоединение данного комитета к организации «Искры» и признание ее партийным органом».

Такую задачу ставил перед искровцами Ленин. На совещании были решены вопросы о явках, паролях, шифрах и кличках для переписки, вопрос о «летучих агентах» «Искры», о денежных сборах. Для Марии Петровны и Барамзина постановления совещания стали конкретным планом их деятельности.

6 мая 1902 года Ленин пишет в Самару Кржижановскому: «Теперь наша главная задача, чтобы вполне свои люди проникли в возможно большее число комитетов... Поэтому ближайшая задача... чтобы Курц + Эмбрион оба тотчас вошли в комитеты. Затем чтобы Клэр и Бродягин последовали в той или иной форме их примеру. Это — главная задача, ибо иначе нас неизбежно оттес-

4 $\frac{1}{2}$ *

Е. В. Барамзин.

нят: подчините все остальное этой задаче, помните о важнейшем значении Второго съезда!»

Курц — Ф. В. Ленгник, Эмбрион — Е. В. Барамзин. Владимир Ильич предлагал немедленно войти им в Киевский и Саратовский комитеты. Их примеру должны были последовать Кржижановский (Клэр) и М. А. Сильвин (Бродягин) — войти в Самарский и Нижегородский комитеты. «К этому же приспособьте... и обдумайте атаку на Центр, Иваново и др., Урал и Юг», — пишет Ленин дальше.

Саратову, как одному из форпостов искровцев, Ленин придавал большое значение. Здесь были передовые интеллигентские силы, много ссылочных. Но Саратов с давних пор был вотчиной эсеров, а в конце 1901 года в связи с разгромом «Союза социалистов-революционеров» стал центром всей деятельности этой партии в России: отсюда ее идейные вдохновители — Брешковская и Гершуни — совершают свои объезды северных, восточных и поволжских губерний с целью сплочения сил.

Необходимо было лишить эсеров преобладающего влияния на рабочих, лишить их возможности под видом «объединения против общего врага» перетянуть на свою сторону часть нестойких демократов. В Саратове попытки такого объединения были налицо: «объединенка» — объединенная группа социал-демократов и социалистов-революционеров и «ремесленный союз».

Летом 1902 года непосредственная связь редакции «Искры» с Саратовом прервалась.

В марте 1902 года на всю Россию прогремел выстрел саратовца Степана Балмашова, убившего одного из столпов монархии — министра внутренних дел Сипягина. «Теперь там страшная травля, — сообщал про Саратов Кржижановский 12 апреля, — ибо Сипягина убил саратовец киевский студент Балмашов».

Ленин ищет связей. Во многих его письмах в Самару как лейтмотив звучит фраза: «Свяжите нас с Вавилоном». Более точного определения, чем «Вавилон», для Саратова 1901—1903 годов трудно придумать: столько здесь было «группировок», взглядов, «наречий» и «языков». «В Вавилоне сколько голов, столько умов», — пишет в это время про Саратов Зинанда Кржижановская.

Выполнение задачи, поставленной перед саратовскими искровцами Лениным, было форсировано обстоятельствами. 5 мая 1902 года в городе состоялась грандиозная демонстрация, закончившаяся избиением демонстрантов и многочисленными арестами. «Объединенка» вскоре после арестов распалась, социал-демократический комитет лишился многих своих активных членов, но выстоял. Необходимо было пополнить комитет новыми членами, углубить работу, придать организации определенный политический облик, покончить с бесприципностью, отмежеваться от эсеров. Искровцы — Мария Петровна и Барамзин — имели к этому времени значительное влияние в комитете. Под их давлением было принято решение о первомайской демонстрации и выборе на II съезд партии — твердых искровцев — В. Ф. Горина-Галкина и М. Н. Лядова. Благодаря этому комитетчики избавлялись от экономистских иллюзий, медленно, но верно переходили на искровские позиции. 18 февраля 1902 года Барамзин сообщал в редакцию, что комитет постановил регулярно выделять для «Искры» часть своих средств, что «настроение очень благоприятное «Искре». 12 октября Кржижановский писал Ленину и Крупской, что в «Саратове дела идут недурно, непременно вступите в непосредственную переписку с Эмбрионом».

Через несколько месяцев после демонстрации комитет на три четверти изменил свое лицо. В него вошли вернувшийся из сибирской ссылки М. Н. Лядов, Е. В. Барам-

зин, М. П. Голубева, В. М. Обухов, М. Г. Смидович. Несколько позже к ним присоединились приехавший из-за границы И. Г. Гольденберг и И. М. Ляховецкий. Одновременно началась борьба вокруг II созыва съезда. Полемика и споры внутри редакции «Искры», где ясно обнаружились две линии — революционная и оппортунистическая, стали докатываться до мест. На Саратов было обращено серьезное внимание «рабочедельцев». В одном из номеров «Рабочего дела» — органа экономистов — заявлялось, что «вся Волга под их влиянием». В преддверии съезда появились первые вояжеры оппортунистов. «Недавно слышим, — сообщал в редакцию «Искры» Г. М. Кржижановский, — что в Саратове какой-то рыжеватый господин от «Искры» говорил об «Александре» (организационном комитете по созыву II съезда) и съезде и прочее, запрашивают нас, а мы не знаем, провокатор это или «неизвестный член».

В городе резко обострились отношения между социал-демократами и эсерами в связи с полемикой «Искры» и «Революционной России» (заграничного центрального органа эсеров) по вопросу о терроре. Непосредственным толчком к полемике послужили выстрел Балмашова и поднятая вокруг него эсерами кампания, а также участие Балмашова в работе саратовского «Ремесленного союза». «Социалисты-революционеры издали анафему «Искре» за 23-й номер (там были напечатаны статьи Ленина и Плеханова о терроре) и призывают присоединиться к ней все фракции, секции и подсекции», — сообщала редакции «Искры» 10 сентября З. П. Кржижановская.

В этих условиях важнейшей задачей становилось открытое признание саратовским комитетом «Искры», поддержка ее целей и платформы.

В 31-м номере «Искры» появилось «Открытое письмо Саратовского комитета»: «...комитет РСДРП полагает,

что группа «Искры» может стать тем ядром, вокруг которого следует сгруппировать отдельные социал-демократические ячейки для организации и развития общероссийской партии. Поэтому Саратовский комитет считает необходимым признать «Искру» своим партийным органом и ставит себе в непременную обязанность помогать ей по мере сил».

Редакция этого открытого письма принадлежала Марии Петровне и Барамзину. Обсуждение текста письма сопровождалось острой полемикой «искровцев» с бывшими членами «объединенки» и «питерскими экономистами», которые считали неприемлемыми полемические приемы «Искры», выступали против ее аграрной программы.

Приезжавшая в августе 1902 года Г. И. Окулова (Зайчик), разъездной агент «Искры», была направлена в Саратовский комитет, чтобы добиться от него организационного признания «Искры». На руках у Окуловой было решение о признании «Искры» Петербургским комитетом, с которым Саратовский комитет имел довольно прочные связи и к голосу которого прислушивался. «Я не считаю это своим достижением, — сообщала Окулова редакции «Искры», — но Саратовский комитет такое признание уже сделал». Это был второй приезд «Зайчика» в Саратов. Впервые она была здесь в июне 1902 года со специальной, очень серьезной миссией («добыть у одного лица некоторую сумму денег на поддержку издания «Искры», как писала редакции З. П. Кржижановская). Поездку устроила Мария Петровна — ответственная по сбору денег на «Искру». «Лицом», о котором говорилось в письме, был граф Анатолий Дмитриевич Нессельроде.

В то время некоторые либералы были уверены, что рабочее движение — лучший способ заставить царское правительство стать на путь конституционных реформ.

Таким либералом был Нессельроде — богатый помещик и аристократ. Он был далек от «выломившихся из своего класса» горьковских героев, ничего «фома-гордеевского» в нем не было. После революции 1905 года, аграрного крестьянского движения граф эмигрировал в Париж, так как нашел, что русские — «грязные дикари», переходящие в своих действиях всякие границы «приличного».

Тем не менее в 1903 году начальник Саратовского губернского жандармского управления доносил в департамент полиции: «Агентурные сведения неоднократно указывали на него (т. е. Нессельроде. — Д. К.), как на лицо, несочувственно относящееся к мероприятиям правительства, он расходовал значительные средства на нелегальные цели, направленные на содержание конспиративных столярных мастерских, помошь политическим арестованным и другие нужды местных революционных организаций».

Вопрос о средствах на издание «Искры» был одним из самых болезненных; большинство местных комитетов денег на нее не отчисляли, и такого «зверя красного»¹ (как называла Нессельроде З. П. Кржижановская) упускать было нельзя.

Еще весной 1902 года редакция «Искры» через Кржижановских запрашивала о возможности сбора 1000 рублей. Саратов в этом отношении выгодно отличался от других городов: здешние земцы и богатые либералы, следуя примеру своих родовитых лидеров — И. И. Львова и А. Д. Нессельроде, не отказывались служить «революционным целям» самым безопасным для них путем.

Предварительные переговоры с Нессельроде вели Голубева и Анна Вейсман, получившие принципиальное согласие на помошь. В июне приехал «Зайчик». Окулова

¹ Здесь в смысле «дорогого, красивого».

привезла директивы «Искры» и чемодан нелегальной литературы. В тот же день она выехала в имение Нессельроде — село Царевщину Вольского уезда. Пробыв «в гостях» целые сутки, Окулова добилась своего: деньги вскоре были посланы.

...Осенью 1902 года Нессельроде собирался ехать за границу, где хотел повидаться с кем-либо из редакций «Искры». Мария Петровна и З. П. Кржижановская решили дать ему адрес Дитца — издателя социал-демократической литературы. «Он заявил себя официально приверженцем вашим, — сообщала об этом визите З. П. Кржижановская, — и отказался менять свои убеждения, когда к нему подъехали социалисты-революционеры».

...Доставка искровской литературы в Россию до лета 1903 года оставалась уязвимым местом во всей работе искровцев. Первое время она производилась, помимо почтового, очень ограниченного и ненадежного пути, «чемоданным». Все возможные «каналы» — через Одессу, Ригу, Румынию, Александрию, Финляндию, Архангельск — были испробованы. По всем ним с большим риском и сложностями удавалось провезти за год несколько пудов литературы. Все это были пути долгие и случайные. И что знали 4—5 чемоданов литературы в месяц на всю огромную Россию! В феврале 1902 года после ареста нескольких старых искровцев-транспортеров вся техническая организация была разрушена. В этот тяжелый для «Искры» момент большую роль сыграли образовавшиеся в Самаре искровское бюро и его «летучие», разъездные агенты.

В Саратове появились З. П. Кржижановская, Н. А. Скрыпник (работавший в Саратове некоторое время как член искровской группы), Г. И. Окулова, Л. Х. Гоби. Большую помощь в доставке литературы оказывал член саратовского социал-демократического коми-

тета Николай Иванович Соловьев, часто бывавший в Самаре и связанный с Самарским бюро.

В Саратове основная тяжесть работы по приемке и хранению нелегальной литературы легла на плечи Марии Петровны. Позже она рассказывала о получении первых «транспорта» литературы:

«Получаю известие, что привезут литературу, кто, когда и сколько, не сообщают. На всякий случай надо готовиться к большему. Обошла буквально всех, кто, по моему, мог и должен был помочь мне. Ничего не выходит, все отказываются: кто не хочет, бережет себя для дел более интересных, кто занят делом более важным. Правда, я обращалась исключительно к интеллигенции, немногих знакомых рабочих впутывать не хотелось. Пришлось устраиваться собственными силами и средствами и у себя. Осмотрела свою квартиру. Мы жили тогда на Соборной улице недалеко от Липок в трехоконном деревянном домишке, но с чудесной галереей, где было два пустых чулана. Вот один из них я и решила приспособить на всякий случай. Там отлично подымались две половицы, можно много спрятать, пока не разнесут. Жду с волнением и нетерпением: ведь это такая радостная победа — получить целый транспорт литературы. Через несколько дней ко мне на квартиру с соответствующим паролем является хорошо одетая дама. Это была Ирина (Л. Х. Гоби). Ирина спешно сообщает, что на пароходе в отдельной каюте (ключ с собой) оставила чемодан с литературой, что пароход отходит через два часа, стало быть, литературу надо взять немедленно. Наскоро совещаемся, как поконспиративнее это сделать. Снаряжаю своих двух маленьких дочек, и приличная дама с приличными людьми отправляется на извозчике за багажом. Багаж и дети благополучно привозятся обратно, а транспортерка, снабженная деньгами, отправляется в дальнейшее путешествие.

Дом на Соборной (ныне Коммунарная), 9, где в 1901—1904 гг.
жили Голубевы и хранилась нелегальная литература.

Литература же до поры до времени отправляется под пол в чулане. Другой случай был несколько сложнее. В одну из суббот без всякого предупреждения получаю письмо с двумя накладными и приказ получить багаж не позже утра воскресенья. Умудренная опытом, уже не пытаюсь искать помощи извне, да и некогда, благо есть неоткрытый склад, все тот же мой чулан. Нужно только найти человека, чтоб получить багаж. Самой ехать нельзя — фигура заметная. Пускаюсь на авантюру: иду к своей домашней работнице. Живет у нас давно, человек свой, преданный, но не искушенный в делах конспиративных. Плетут ей небылицы в лицах о вещах какого-то товарища (к товарищам она привыкла), говорю, что вещи нужно получить завтра рано утром, чтобы в доме никто не знал.

Готово, она согласна. Утром даю накладные, и она

преблагополучно привозит две корзинки с литературой. Такой способ получения литературы, конечно, был далек от идеала. Но что же было делать? Литературу посылали. «Искра» делала свое дело: организовывала партию, а сил на местах было мало, приходилось как-нибудь изощряться до поры до времени».

Заграничная литература продолжала приходить в город и в почтовых конвертах. Однако этот род доставки становился с каждым днем все более ненадежным. Письма регулярно вскрывались в департаменте полиции. 11 июня 1903 года директор департамента полиции препровождал в Саратовское охранное отделение «для сведения и соображения» полученные агентурным путем 29 конвертов, адресованных «лицам, находящимся в г. Саратове, в коих была вложена революционная литература». Одним из наиболее примелькавшихся жандармам адресов была редакция «Саратовской земской недели». «Этот адрес, как неоднократно сообщали саратовские охранники в департамент полиции, может относиться к негласноподнадзорному б. студ. В. С. Голубеву, состоящему секретарем редакции и вскрывающему поступающую в редакцию почту».

Всякий раз после получения очередного вскрытого конверта на квартире Голубевых происходил очередной обыск. Василию Семеновичу, человеку мягкому и «не борцу», приходилось в таких случаях выполнять функции «чистильщика».

...Летом 1903 года начала работать на полную мощь подпольная Бакинская типография ЦК, и литература с началом навигации на Волге стала поступать в Поволжье пудами. В Самаре организовалась транспортная группа. В июне в Саратов приехал «Мирон» — В. Н. Соколов, один из авторов плана работы будущего «транспортно-технического бюро». Саратовская социал-демократиче-

ская организация была к этому времени одной из сильнейших в Поволжье. «Литературы очень мало, требования огромны, — говорил Барамзин Соколову. — Почему бы вам не обосноваться у нас, в Саратове?»

Все-таки базой была избрана Самара — транзитный пункт, в котором «беглые» политические из Сибири, будущие эмигранты, снабжались паспортами, деньгами для переправки через границу.

В следующий раз Соколов приехал уже с багажом и накладной. В Саратове транспорт перешел в ведение Григория Александровича Оболдуева. Дело было поставлено на широкую ногу: свой извозчик для перевозок, специальные квартиры для хранения литературы. Оболдуев работал инженером на городских бойнях, «свои» возчики развозили литературу по всей губернии. Саратов был одновременно и передаточным центром, литература перегружалась и отправлялась дальше — в Пензу, Тамбов, Астрахань, уездные города. Однако при всякой оказии транспортеры, за которыми закрепилась кличка «бесы», по-прежнему пользовались адресом Марии Петровны.

«Время было горячее, шла борьба за съезд, приходилось пользоваться всякой оказией, — описывает она один из случаев. — И вот осенью 1904 года ко мне на квартиру явился товарищ, при всей честной компании (у нас было много народа) бросил к моим ногам чемодан и довольно громко отрапортовал: «Я из «бесов». Я растерялась, но все же почти моментально подхватила тяжелый чемодан, оттащила его в другую комнату, а транспортера отправила дальше, снабдив его деньгами и советом никогда не браться за такое дело. Пришлось экстренно предупредить товарищей и менять пароль».

Жандармы и не подозревали, какую роль играла Мария Петровна в Саратовской социал-демократической организации в 1901—1904 годах. По жандармским докумен-

там она так и осталась для них лишь женой «бывшего студента С-Петербургского университета, сына охтенского мещанина Василия Семеновича Голубева».

Осенью 1903 года в Самаре организовалось Восточное бюро ЦК. Обосновалось оно на квартире В. П. Арцыбушева. На Василия Петровича было возложено руководство Самарской партийной организацией.

После II съезда до Саратова доходили неопределенные слухи и толки. Говорили разное. О расколе, в результате которого партии как таковой не существует, а есть две группы. Противоречивые сведения вносили в комитет растерянность и уныние. «Передвинулся в Вавилон Мешнев (Мишенев), — сообщал в письме Ленину Иннокентий Дубровинский — один из членов руководящего состава Восточного бюро, — мы надеемся выяснить с его помощью положение дел в этом городе, а то совсем беда с ними: жалуются и ноют, ноют и жалуются, сами же адреса для посылки дать не могут».

Зимой 1902—1903 года Саратовскому комитету, ослабленному арестами в мае и ноябре 1902 года, пришлось отказаться от массовой агитации и заняться внутренней организацией. В среде саратовских социал-демократов шла упорнейшая борьба направлений, искровцы постепенно завоевывали главенствующее положение, но борьба шла упорная. «Этот период затишья, — сообщал в «Искру» саратовский корреспондент, — дал повод некоторым лицам обвинить комитет в бездеятельности, в результате чего появилась попытка создать «свои собственные» отдельные группы. Однако новый состав комитета, где ключевые позиции заняли искровцы, в течение лета организовал новые силы. Были возобновлены связи с рабочими, восстановлены кружки и техника, причинявшая много хлопот жандармам и саратовской администрации».

«Вместе с тем, — сообщала «Искра», — со стороны не-

которых «раскольников», главным образом рабочих, стало наблюдаваться стремление к слиянию с комитетом».

В комитете появились первые талантливые организаторы рабочих: Василий Серов, Тимофей Белоногов, Михаил Самсонов. В течение лета — осени 1903 года были подготовлены условия для присоединения рабочего комитета к социал-демократическому. Слабостью организации был состав пропагандистов, большей частью текущий, «наездний», в него попадали люди, пропагандирующие «на свое усмотрение».

Отсутствие непосредственных связей с редакцией «Искры» и Лениным, плохая осведомленность комитета о состоянии дел в партии в преддверии II съезда (о ней пишет в одном из писем Кржижановскому Крупская), взаимная информация через вторые, а то и трети руки, недостаток литературы для массового распространения, отсутствие пропагандистов сильно тормозили дело. «Необходимость скорейшего объединения в партию не в теории только, но и на практике для нас, провинциалов, более, может быть, ощутима, чем для кого другого», — сообщал саратовский корреспондент в «Искре».

Весной 1903 года Владимир Ильич снова настойчиво добивается связей с Саратовом. «Свяжите нас с Вавилоном», — пишет он неоднократно в самарский центр. «Переписка с Россией ужасно трепала ему нервы, — вспоминала Надежда Константиновна. — Ждать неделями, месяцами ответов на письма, ждать постоянно провала всего дела, постоянно пребывая в неизвестности, как развертывается дело, — все это как нельзя менее соответствовало характеру Владимира Ильича. Его письма в Россию переполнены просьбами писать аккуратно... Ночи не спал Ильич после каждого письма из России, сообщавшего о том, что «Соня молчит, как убитая», или, что «Зарин во время не вошел в комитет» или, что «нет связи со стару-

хой»... Остались у меня в памяти эти бессонные ночи.

Владимир Ильич страстно мечтал о создании единой сплоченной партии, в которой растворились бы все обособленные кружки со своими основывающимися на личных симпатиях и антипатиях отношениями в партии».

На II съезде партии Владимир Ильич получил подробнейшую информацию о Саратовском комитете из уст Мартина Николаевича Лядова — саратовского делегата. От него и от «Зверя» — Марии Моисеевны Эссен, бежавшей в 1902 году через Самару из Сибири за границу, где она установила связь с редакцией «Искры», Владимир Ильич узнал о «личной позиции» Марии Петровны.

В октябре он пишет из Женевы в Саратов:

«Личное от Ленина Марьё Петровне,

Дорогой товарищ! Чрезвычайно рад я был узнать от наших общих знакомых (особенно от Зверя — не знаю, под той же кличкой Вы ее знали), что Вы живы и заняли солидарную с нами политическую позицию. Мы виделись и были знакомы так давно (в Самаре в 1892—1893 году), что без посредства новых друзей нам трудно бы и возобновить дружбу. А возобновить ее мне очень бы хотелось. Для этого посылаю Вам, пользуясь адресом, подробное письмо о наших делах и усердно прошу ответить лично и поскорее. Без регулярной переписки немыслимо вместе вести дело, а Саратов до сих пор упорно отмалчивался целыми месяцами. Пожалуйста, поверните это теперь иначе и начните писать сами пообстоятельнее. Без подробных писем от Вас лично нельзя будет выяснить ни Ваше личное положение в деле, ни вообще саратовские условия. Не поленитесь потратить 2—3 часа в неделю.

Шлю Вам большой привет и крепко жму руку.

ЛЕНИН».

Не получив ответа на первое письмо, Владимир Ильич пишет второе: «Писал Вам в Саратов, но ответа не имел. Напишите, что это значит: не получили ли письма? или мы разошлись в путях? Если первое, то Ваше молчание все-таки непростительно: мы чуть не год добиваемся связей с Саратовом. Откликнитесь же наконец».

Однако наладить переписку с Саратовом ему так и не удалось. Возможно, письма не дошли до адресата, возможно, ответы на них попали в руки жандармов или же затерялись где-нибудь в архивах редакции (так как, начиная с ноябрьского (52) номера «Искры», Ленин в редактировании ее непосредственного участия не принимал).

* * *

20 ноября 1903 года на имя начальника Саратовского охранного отделения была получена телеграмма из Москвы: «Саратов едет наблюдаемая, кличка «Шикарная», благоволите усилить наблюдение. Подполковник Ратко».

На следующий день «Шикарная» в сопровождении трех фильтров Петербургского и Московского охранных отделений прибыла поездом № 12 в Саратов. «Оставив свои вещи на вокзале, — доносили в тот же день сотрудники столичных отделений, — она, наняв извозчика, направилась на квартиру секретаря «Саратовской земской недели» негласноднадзорного Василия Семеновича Голубева и его жены Марии Петровны — дом № 9 Любомирова на Соборной улице».

Шпики прочно обосновались около домика на Соборной. В течение недели они непрерывно носились по городу за своими подопечными, взятыми под наблюдение, фиксируя каждого, кто входил или выходил из квартиры Голубевых. За это время в поле их зрения попало более 30 человек, в том числе многие из членов комитета. Не-

М. М. Эссен.

смотря на это, за неделю в управлении не удалось собрать каких-либо серьезных сведений. К тому же очень туго работала жандармская машина: лишь 10 декабря департамент полиции сумел обзавестись сносной фотокарточкой Эссен, которая, кстати, фигурировала в их документах как Зинаида Дешина. По внешнему описанию установить сходство этой Эссен с «наблюдавшейся» в разных городах империи социал-демократической деятельницей под кличкой «Харьковская» и «Шикарная» жандармам не удалось; саратовские «охранники» жаловались, что «агенты» не могли точно сказать — одно и то же это лицо или нет: «Шикарная» во время пребывания в Саратове носила густую вуаль.

Мария Моисеевна приехала в Саратов из Воронежа, до Козлова ее сопровождал Михаил Степанович Ольминский. Она находилась всецело еще под впечатлением от встреч с Владимиром Ильичем, о котором отзывалась с нескрываемым восхищением. Рассказала, как Глеб Максимилианович Кржижановский по инициативе Ленина (нужны особые «летучие» люди) предложил ей поехать в Россию на места с докладом о съезде, о планах работы ЦК (Мария Моисеевна незадолго до этого была копирована в члены ЦК) и одновременно ознакомиться с составом комитетов, произвести учет наличных сил.

Мария Моисеевна успела обехать Киев, Харьков, Петербург, Тверь, Москву, Воронеж. «Зверь», вырвавшийся на волю (nezadolgo до этого Мария Моисеевна бежала из сибирской ссылки), был полон неуемной энергии. Никаких сомнений, никаких колебаний, никаких страхов насчет последствий будущего раскола. Уверенность в правоте Ленина. Она подробно рассказала о положении дел в партии, о съезде и его решениях, о разгоревшейся борьбе меньшевиков с большевиками. По ее словам, раскол был неизбежным.

22 ноября комитет, как обычно, собрался на квартире Льва Берникера. Были Лебедев, Смидович, Соловьев, Гольденберг, Лясс, Борисов, Обухов и Мария Петровна. После доклада Эссен открылись прения по принципиальным тактическим и организационным вопросам. Они были весьма бурными — эхо раскола уже докатилось до Саратова. Однако в конце концов собравшиеся пришли к единому мнению: присоединение ко всем резолюциям и решениям съезда, поддержка ЦК, осуждение оппортунистических тенденций новой, чисто меньшевистской редакции «Искры». В конце заседания обсудили условия местной работы, констатировали общее ее оживление, растущий интерес рабочих к партии, возросший спрос на литературу. На следующий день зашифрованная резолюция Саратовского комитета была отослана в ЦК. Комитет «подчиняется всем учреждениям партии, отрицательно относится ко всем действиям, идущим вразрез с постановлениями съезда, считая эти действия дезорганизующими партию» — говорилось в ней. Редакция резолюции принадлежала Марии Петровне.

В этот же день начальник Саратовского губернского жандармского управления телеграфировал о пребывании Эссен в департамент полиции: «Остановилась на квартире В. С. Голубева, затем ночевала у Иолшиных и переночевала у них. Вещи на вокзал отвез Португалов. Ее посещали: Данилова, Португалов, Фролов, Софья Богословская, Анна Мишенева, Николай Иванович Соловьев, Николай Смидович, Петр Лебедев, Иван Борисов, Фаина Рыкова. Была устроена контрслежка за Целорем, которая сильно мешала наблюдению агентов охраны».

И Эссен, и члены комитета видели, что буквально за каждым по пятам ходит шпик. Для этого и была устроена контрслежка за одним из главных приезжих шпионов, сильно повредившая жандармам.

25 ноября Мария Моисеевна выехала в Ростов, а в середине декабря 1903 года снова появилась в Саратове. Саратовское жандармское управление было основательно подготовлено к этому визиту. Начальник управления Семигановский (в городе его звали Семилоганским) располагал двумя шифрованными письмами и фотографией Эссен. Одно из писем (из Саратова), написанное химическим зашифрованным текстом — «ключом Эмбриона»,¹ и было запросом в заграничный центр. «Получено известие из-за границы, что сюда едет агент ЦК. Известите немедленно, подлинный или подложный». Письмо было подписано: «Фауст»². Другое письмо из Дармштадта, написанное тем же «ключом Эмбриона», гласило: «Письмо «Фауста» получено. Никакой агент ЦК из-за границы приехать не может... Очевидно, это либо утка, либо агент, который теперь, слышно, разъезжает по комитетам и мутит публику».

Особых сведений Семигановскому письма не дали, пришлось отписываться в департамент: «Личность «Фауста» не установлена, хотя есть большое основание предполагать, что это секретарь губернской земской управы Голубев, на квартире которого останавливалась в ноябре минувшего года организующая съезд искровцев «Шикарная».

Около домика на Соборной снова обосновались жандармы. А спустя несколько дней приехала Эссен. Приехала «чистой», без шпиков. Так что «агент ЦК» оказался подлинным, тем самым, который, по мнению загранич-

¹ Ключ для переписки Саратовского комитета с редакцией «Искры». «Эмбрион» — Е. В. Барамзин.

² «Фауст» — конспиративная кличка, под которой отправлялась корреспонденция в ЦК.

ного адресата, по-видимому меньшевистского¹, «разъезжает по комитетам и мутит публику».

Мария Моисеевна подробно рассказала о новых тенденциях «Искры», в редакции которой остались одни меньшевики, о борьбе их с постановлениями съезда и против ЦК.

17 ноября директор департамента полиции потребовал по телеграфу от Москвы, Ростова и Саратова «проекта ликвидации» в связи с наблюдениями за «Шикарной».

...В этот вечер Мария Петровна решила устроить Эссен «маленький отдых» — повела на концерт в музыкальную школу.

— Места у нас были рядом, в партере, — вспоминала Мария Петровна позже. — Первое отделение просидели благополучно. После антракта рядом со мной вдруг очутился жандармский ротмистр Семигановский, и я вижу, что он поглядывает то за обшлаг своего рукава, то на мою соседку. Я сразу сообразила, что он сличает фотографию со «Зверьком». Как можно спокойнее досидев до следующего антракта, я взяла «Зверя» под руку, вывела из зала и сообщила свои наблюдения.

Решили — наутек, но каков был наш ужас, когда на улице мы увидели за собой Семигановского. Прибавив шагу, он тоже, свернули в ближайший переулок, он за нами. Пришлось долго путать следы, пока через проходной двор на Малой Сергиевской нам удалось от него избавиться. Я провела Эссен на одну сравнительно «чистую» квартиру, откуда ее поехали провожать на вокзал, а сама помчалась домой, рассчитывая там застать облачу. Ничуть не бывало, не было на этот раз даже обыска,

¹ Писал в Саратов из Дармштадта, вероятно, меньшевик Абрамович.

а Эссен благополучно доехала до Екатеринослава, а потом перебралась за границу.

На следующий день в Саратове было произведено 19 обысков. Очередной обыск был сделан и у Голубевых. Василию Семеновичу, пока жандармы стучались в дверь, пришлось проглотить несколько конспиративных записок. Обыск был вслепую, с малой надеждой на успех. В этот день в городе были арестованы Петр Александрович Лебедев, Николай Гермогенович Смидович, рабочие Калашников и Четвериков. На следующий день по подписке все четверо были выпущены. Воспользовавшись временным освобождением, секретарь комитета Лебедев выехал в Киев. Секретарство в комитете перешло к Марии Петровне Голубевой.

Секретарь обеспечивал всю «техническую» часть работы в комитете, связанную главным образом с нелегальной областью его деятельности. Диапазон работы был весьма обширен, в руках секретаря сосредоточивались все связи, все нити повседневной работы: обеспечение комитета денежными средствами, помещениями для собраний, ночевок, учет работников, а также обеспечение связей с заграничным центром.

Вскоре после приезда Эссен Саратовский комитет отправил в редакцию «Искры» специальное заявление. «Комитет считает своим долгом заявить, что оппортунистические тенденции новой организации «Искры», выражавшиеся в передовой № 52, поразили всех своей неожиданностью, вызвали недоумение и сильное недовольство. Оппортунизм приведет лишь к падению авторитета «Искры» и лишит ее значения руководящего органа. Номера же, подобные 52-му, мы отказываемся распространять ввиду их деморализующего и дезорганизующего влияния, тормозящего объединительную работу партии.

Следует добавить, что и последующие номера «Иск-

ры» не принесли нам ничего утешительного, и мы остаемся при том же мнении».

В другом письме в ЦК Саратовский комитет высказывал «решительное желание, чтобы товарищ Ленин во что бы то ни стало занял принадлежащее ему место в редакции «Искры».

В январе 1904 года комитет послал в ЦК два письма, в которых заявил о своей готовности поддерживать ЦК партии «вплоть до создания нового центрального органа», т. е. новой газеты с участием Ленина.

В специальном письме ЦК полностью одобрил позицию Саратовского комитета и сообщил, что Плеханов окончательно примкнул к меньшинству, и Ленин предложил созвать новый съезд партии, как единственный выход из положения. Местные комитеты призывались энергично включиться в борьбу за созыв съезда.

В начале лета 1904 года в Саратове были получены первые листы работы Ленина «Шаг вперед, два шага назад». В ней ставились все точки над i по вопросу о расколе.

Оптимизм и непримиримость — таким было основное впечатление от книги. Так ее поняли и большевики Поволжья. В Самаре Арцыбушев на собрании комитета в июле 1904 года говорил: «Вывод из книги Ленина один: с новой «Искрой» надо бороться». В Саратове Мария Петровна Голубева высказалась еще более решительно: «Ведь «Искра» пожелает испепелить «Шаги», а «Шаги» не могут не затоптать новую «Искру». Какое уж тут примирение!» Последняя фраза относилась к «примиренцам» — сторонникам примирения большинства и меньшинства «во что бы то ни стало». В Саратове колеблющуюся позицию занимают Иосиф Гольденберг (считавший себя, между прочим, твердым большевиком), Обухов и Ляховецкий. В Самаре как примиренцы высту-

пают организаторы Восточного ЦК Дубровинский, Карпов, Квятковский. На них гипнотически действует авторитет нового переизбранного ЦК, занявшего примиренческую позицию и признавшего законность меньшевистской «Искры».

Согласно июльской декларации ЦК Ленин отстранился от работы в партии, агитация за III съезд запрещалась.

«Искра» превратилась в орган кружковой мести, — сообщала в октябре 1904 года Н. К. Крупская в Саратов Гольденбергу. — Комитеты, осмеливающиеся «свое суждение иметь», травятся ею всячески... Вы знаете, что благодаря всяким превратностям судьбы состав ЦК сократился наполовину и благодаря этому в большинстве в нем оказались «примиренцы», тактика которых — добиться прекращения внутренней смуты какими бы то ни было средствами, хотя бы фальшью, переменой позиции».

В конце 1903 года в Саратове появился Диомид Топуридзе, сторонник Ленина на съезде и его ярый противник после него. Топуридзе гнул откровенно меньшевистскую линию, стараясь отколоть часть организации. Летом на общем собрании актива произошел первый крупный конфликт. Меньшевики из пропагандистской группы добивались открытой поддержки ЦК и ЦО. Не добившись своего, они демонстративно покинули заседание. Вскоре за этим последовало заявление от меньшевиков-пропагандистов о невозможности вести работу с большевиками «ввиду острых разногласий». С марта месяца группа отковавшихся социал-демократов стала издавать собственный гектографированный листок «Свободное слово».

Для Марии Петровны 1903—1904 годы были временем больших испытаний. Отстаивание ленинских прин-

цилов в деятельности комитета в условиях раскола в партии, перехода «Искры» на меньшевистские позиции было необыкновенно трудным делом. Необходимы были огромное политическое чутье, большая убежденность в правоте Ленина, чтобы в условиях почти полной оторванности от политического заграничного центра, от Ленина при постоянной борьбе внутри комитета сохранять четкие, идейные ленинские позиции. «Она считалась твердой большевичкой, — вспоминал о Голубевой Михаил Самсонов, — и уже потом, когда между большевиками и меньшевиками борьба обострилась, ее меньшевики называли не иначе, как одной из «амазонок» Ленина».

«...Выделяется в моей памяти несколько носителей твердокаменности, которые, может быть, ни на какие уступки и компромиссы не шли бы, если бы обстоятельства этого потребовали, — вспоминал В. Н. Соколов о большевиках Поволжья. — Это В. П. Арцыбушев, старый народоволец, выбиравший, вероятно, и раньше, чутьем самое левое. Затем А. А. Преображенский, его сослуживец. Он знал Владимира Ильича еще в деревне и не мог допустить даже мысли о возможности усомниться в его правоте... Далее М. П. Голубева в Саратове, к которой дал мне рекомендацию Арцыбушев. В Астрахани — О. А. Варенцова, в Нижнем — Владимирский и Адоратский — в Казани».

Такова была ленинская гвардия Поволжья в период, предшествовавший первой русской революции.

* * *

28 августа 1904 г. Ленин пишет Л. А. Фотиевой письмо с просьбой разослать «всем нашим друзьям в России».

«Пожалуйста, немедленно приступите к сбору и от-

сылке всех и всяческих корреспонденций по нашим адресам с надписью: для Ленина. Крайне нужны также деньги. События обостряются. Меньшинство явно готовит переворот по сделке с частью ЦК. Мы ждем всего худшего. Подробности на днях.

В числе 12 адресов «друзей, в которых вполне можно быть уверенным», адрес М. П. Голубевой — «в Саратов, по адресу Голубева».

ЦК, откровенно скатившийся к меньшевизму, всячески препятствовал связям Ленина и бюро комитетов большинства с местными организациями. Им способствовали и «процекистски» настроенные работники Восточного бюро в Самаре: не давали явок, адресов, паролей, сообщали в меньшевистскую «Искру» заведомо неверные сведения о позициях комитетов. «К вам поехал было один товарищ, член Южного бюро, хорошо осведомленный о положении дел в партии,— сообщала Н. К. Крупская в письме от 15 октября Гольденбергу,— но ЦК отказался дать ему явку вам».

Связи Ленина с поволжскими городами прервались. В 75-м номере «Искры» было напечатано, что комитеты Саратовский, Самарский и Урал высказались в пользу «партийного мира» и «выразили доверие ЦК». Как писала в одном из своих писем в Россию Надежда Константиновна, примиренческие резолюции были записаны «со слов Леонида» — И. Ф. Дубровинского. «Астрахань и Саратов были когда-то очень резкими сторонниками большинства, но что там теперь делается — неизвестно», — пишет она в другом письме.

Все самые «верные» адреса, в том числе «Городские бойни, Оболдуеву», «Редакция «Земской недели», Голубеву» и «Бактериологическая станция, Виноградову», были закрыты. Оболдуев и Виноградов склонялись к примиренчеству, последний запросил какие-то особые прин-

ципиальные основания, которые должны были соблюдаться в переписке.

В начале октября с Лениным и Крупской встретился один из саратовцев, эмигрировавший за границу. Он рассказал о положении в организации, от него были получены два адреса для писем — Гольденбергу и Голубевой.

На следующий день Крупская по поручению Ленина пишет Гольденбергу письмо, где сообщает о положении в партии, о том, что за съезд высказались уже 14 комитетов. «Против съезда агитируют учреждения, получившие от него свой авторитет, влияние и власть и ответственные перед ним», — сообщала она. 15 октября Крупская пишет второе письмо в Саратов — Голубевой.

«Сейчас получили адрес для писем. Недавно послали письмо Мешковскому, не знаю, дошло ли. Посылаю два новых адреса для писем. Мы не имеем ни малейшего представления, что делается у Вас. В 75 номере напечатано, что Саратовский комитет выразил сочувствие действиям ЦК, т. е. высказался за декларацию и против съезда. Неправдоподобно что-то. Пришлите, пожалуйста, копии с резолюций, принятых Саратовским комитетом. Сообщите также, что это за группа «Свободное слово»? Меньшинство говорит, что это очень сильная группа с собственным издательством, все связи с рабочими в их руках. Правда ли это? Повторяю то, что писали Мешковскому. Прибавлю к этому, что после № 74 «Искры» уже пришла резолюция Кавказского комитета с требованием съезда, присоединением к резолюции 22-х Одесса, Николаев и Екатеринослав приняли решение поддерживать издательство большинства, подтверждают свое требование съезда и энергично протестуют против распуска Южного бюро. Меньшинство, видя, что комитеты против них, всячески стремится подорвать доверие к комитетам в обществе, среди рабочих. Очевидно, «Свободное слово»

тоже меньшевистская группа. Ну, бывайте здоровы, Пишите чаще, теперь ужасно важный момент».

Из писем Надежды Константиновны видно, каким «плотным туманом» меньшевики старались окутать Саратов.

Саратовский комитет в период между двумя съездами, как свидетельствует сама Мария Петровна, был большевистским. Владимир Ильич в статье «Кого они хотят обмануть», опубликованной в газете «Вперед» от 2 марта 1905 года, называет Саратовский комитет в числе полноправных организаций, давно высказавшихся за съезд вообще.

* * *

...Разразилась русско-японская война. Во время одного из заседаний комитета на улице послышалось громкое пение: «Боже, царя храни». По улице шла манифестация: простой люд, рабочие, много пьяных. Начались проводы, манифестации, патриотические речи... В городе началась «банкетная кампания» — целая «эпоха» банкетов, посланий, наказов, чествований. После однажды брошенных слов министра внутренних дел Свято-полк-Мирского о «доверии к общественным деятелям» саратовские либералы воспрянули духом и необыкновенно оживились. Державшиеся раньше «при революционных организациях» скромно, как полагается «периферии», помогавшие им в средствах и только, они увидели возможность собственного «вoleизъявления». На социал-демократов они стали посматривать свысока, называли их деятельность «кустарничеством», «кротовой работой». Первый банкет состоялся 2 ноября на проводах либералов-земцев, уезжавших на земский съезд. Проводы отличались пышностью и «радикализмом» либеральных ре-

чей. Попробовали даже запеть «Марсельезу». Никто не был арестован, жандармы не могли уловить «нового курса» и тушевались перед «князьями и графами», возглавляющими кампанию.

Один из членов Саратовского комитета вспоминал о своем посещении Марии Петровны после этого банкета.

«— ...Я зашел к одному из членов нашего комитета, пожилой и солидной dame, ярой большевичке, всегда отзывающейся с насмешкой о либеральной оппозиции... Мы начали разговор, и я сразу же заметил, что моя собеседница находится всецело под впечатлением этих известий. О насмешках над «либералами» уже не было и речи, наоборот, о земском движении она говорила чрезвычайно серьезно и с горечью констатировала его несомненные успехи. У нее даже вырвалось восклицание: «Да, они могут торжествовать; теперь на их улице праздник».

А затем мы повели грустную беседу о наших партийных делах, о недостатке денег в комитете, о плохой работе нашей типографии, о новых обысках и арестах, вырвавших из строя несколько дельных товарищей».

...Банкетная кампания в Саратове развертывалась как большое театральное представление. Вслед за «земским» банкетом 5 ноября, где присутствовало около 400 человек и говорились приветствия земскому съезду в Петербурге, последовал банкет 20 ноября в честь 40-летия судебных уставов. Здесь присутствовало уже 600 человек. На банкетах собиралась исключительно либеральная интеллигенция, вход был по особым пропускам.

Рабочие угрюмо выжидали. Снизу социал-демократический комитет «подпирали» рядовые партийцы — требовали своих пролетарских собраний, своей организации, своих открытых выступлений.

20 ноября, в один день с либеральным банкетом, комитет решил организовать свое социал-демократическое

рабочее собрание. В течение недели заседали почти ежедневно.

На заводах было распространено более 1000 билетов.

Собрание состоялось в огромной чайной на Пешем базаре.

С 8 часов начали стекаться рабочие. К половине девятого зал был набит битком. Впереди было 2—3 ряда стульев, а за ним люди стояли плотной стеной, плечом к плечу. Собралось не менее тысячи человек, в основном рабочие.

Собрание имело громадный резонанс. В течение последующих дней в городе о нем только и говорили.

...В начале декабря Голубевы уезжали в Петербург. Мария Петровна еще весной ездила в столицу, виделась с одним из членов Петербургского комитета, который подал мысль перебраться в Петербург, где комитет мог бы использовать ее квартиру для конспиративных нужд. К тому же кончился срок полицейского надзора. Голубевым было дано, наконец, разрешение проживать в столице. Секретарство в комитете с согласия Ленина Мария Петровна передала И. П. Гольденбергу.

Уезжали поздно вечером. Василий Семенович дремал в пролетке, завернувшись в плед. Ему нездоровилось, но он не унывал — был полон самых радужных надежд относительно будущего. Он верил, что начавшийся «прогресс» уже не остановить: «что-то трепетало в машине самодержавия». В Саратове Василий Семенович оставлял свое детище — «Саратовскую земскую неделю» — один из лучших земских печатных органов в России. Но было радостно от сознания, что и этот город начинает, возможно, жить самой настоящей революционной жизнью. Подумать только — успешно проходит открытое рабочее собрание в тысячу человек, в конце принимаются резолюции, да какие?! Амнистия ссыльным, скорейшее

окончание войны, созыв Учредительного собрания.

Мария Петровна вспоминала так бурно развивавшиеся события последних месяцев, письма Ленина к ней, борьбу в комитете и снова, в который раз, собрание на Пешке. Память выхватывала отдельные детали — то серую монолитную массу людей, угадывающуюся за сплошной завесой табачного дыма, то отдельные лица — худые, скучающие, перепачканные (многие пришли прямо с ночных смен), синие блузы, дешевенькие пиджаки... Весь этот образ огромной многоликой толпы вызывал непривычное, немного жутковатое, но радостное чувство.

Вспомнился тот давний спор с Аделаидой Романовой, после которого она назвала Марию Петровну «изменницей якобинским принципам». Спор все о том же — захвате власти, терроре. Припомнился и совсем недавний выстрел Егора Сазонова — убийство министра Плеве — выстрел, в котором многие видели чуть ли не единственную причину общего настроения, царящего в стране... О позорной войне на Востоке уже не вспоминают.

— Да, я тоже не сомневалась в терроре как средстве борьбы. Но ведь и правительства бывают террористичны. Пройдет время, и оно спохватится. Настолько ли сильна любая, пусть самая сплоченная и бесстрашная, террористическая группа, чтобы страшному правительству противопоставить со своей стороны такой же — вот в чем вопрос. Нет, нужна организация, нужна массовая сила, и нужно, чтобы эта масса поняла, усвоила: то, что делается нами, делается для ее блага... А самодержавие всегда боролось и будет бороться со всяkim самосознанием, будет душить всякую сознательную личность, пока восставший народ «в заповедных лесах не найдет на батюшку-царя хорошую дубинку».

Либеральная «весна» уже кончается, переходит в осень. Смешно было надеяться, что самодержавие самоограничится, станет в положение гоголевскойunter-офицерской жены, которая сама себя высекла. Попытка дать реформы — уже есть самоотрицание...

...А наши славные банкеты. Соберутся человек шестьсот, поговорят о необходимости работы для отечества (о войне ни слова), о необходимости для интеллигенции прийти на народную ниву культивировать великие начала свободы и братства. Оглушительные аплодисменты. Потом тихонько расходятся по домам, передают на ухознакомым подробности и озираются — как бы кто не подслушал.

Революция — вот что может сбросить монархию. А что настроение приподнятое — это вне всякого сомнения. Не использовать его было бы прямо грешно...

До январских дней 1905 года оставался месяц.

* * *

Петербург и вся предгрозовая революционная обстановка столицы захватили Марию Петровну с первых же дней. Вместе с Землячкой она работала в организационном комитете по созыву III съезда при бюро комитетов большинства. Принимала и отправляла едущих на съезд делегатов. После долгого перерыва снова встретилась с Владимиром Ильичем.

В Октябрьские дни ее квартира — настоящий штаб Петербургского комитета. Она почти никогда не пустовала: шли рабочие, студенты на явки, за оружием.

«Помню 1905—1906 год, — писала Мария Петровна. — У меня штаб-квартира для свиданий Владимира Ильича¹ с членами ЦК и ПК. Владимир Ильич всегда приходил первым, ни разу не опоздал. Кроме того, зная,

что каждый из нас считал бы за честь предоставить в его распоряжение квартиру, зная мое личное хорошее отношение к нему, Владимир Ильич, тем не менее, приходя, всякий раз как бы извинялся и говорил: «Вот опять часа на два придется занять вашу квартиру».

Этот дом на углу Большой и Малой Монетных улиц в октябрьские дни 1905 года знали многие, здесь заседал Петербургский комитет, сюда приходили десятки людей, здесь даже одно время хранились бомбы.

В ноябре — декабре во время недолгого существования Петербургского Совета рабочих депутатов Мария Петровна работала в созданной при Совете комиссии помощи безработным. С отъездом Ленина в Финляндию помогала переправлять через границу листовки, газеты. Весной 1906 года после съезда Ленин пришел к Марии Петровне за явкой. «Рассказывая ему о том, что делалось в Питере за время его отсутствия, — вспоминала она, — я с величайшим огорчением и опаской передала ему о том, что мы устроили митинг в театре Неметти, что у нас не было хороших ораторов, что меньшевики выпустили Мартова и нас побили. Владимир Ильич выслушал, чуть прищурился и сказал: «Не беда, авось, когда-нибудь сквитаемся».

В 1907 году при ближайшем участии Марии Петровны организована типография на Петербургской стороне. В ней печатались прокламации, социал-демократические воззвания по выборам во II Государственную думу. Некоторое время Мария Петровна руководит работой типографии.

В 1911 году умирает муж. В России свирепствует реакция. Марии Петровне — шестой десяток. Работа, работа, работа. И в этих условиях она не теряла связей с Петербургским комитетом, оказывала посильную помощь партии. В 1912—1913 годах, работая библиотекаршей на

вечерних курсах Холмогорова в Народном Доме, она проводила беседы с рабочими, передавала им нелегальную литературу. Вера в правоту ленинских идей, угасшая в эти тяжелые годы у многих, не покидала ее.

...Февраль и октябрь 1917 года Мария Петровна встретила в Петрограде. «Ни в Таврический, ни в Смольный меня не тянуло, мне казалось, что там и без меня народу много. Меня тянуло на улицу, в толпу, в массу, где нужно было понять и разъяснить происходящее. Так было в феврале, так было в июльские дни», — записала она в своей автобиографии.

После Октября Мария Петровна работала в Петрограде, в Центральном Совете фабрично-заводских комитетов. Очень пригодились ей многочисленные связи и знакомства в рабочей среде, знание психологии рабочего человека, пригодился опыт руководящей работы на посту секретаря Саратовской организации.

В дальнейшем Мария Петровна, несмотря на преклонные годы, всегда там, куда посыпает ее партия. Работает в Совете народного хозяйства, Союзе коммун Северной области, в Комиссариате юстиции и в Петроградской Чрезвычайной комиссии, выполняет индивидуальные партийные поручения большой важности и секретности.

После переезда в Москву, осенью 1920 года, работала в статистическом отделе ЦК партии, была активным членом общества старых большевиков. Последние годы Мария Петровна сотрудничала в Бюро жалоб Комиссии советского контроля.

«Не часто встретишь такого добросовестного работника, каким является Мария Петровна, — говорила о ней Мария Ильинична Ульянова, работавшая с 1932 года заведующей объединенным Бюро жалоб. — Большим

достоинством работы т. Голубевой является то, что за каждой жалобой она видит живого человека, что является наиболее важным и ценным в нашей работе».

Эту седую, полную женщину в пенсне, с умным жизненным взглядом, выражением мягкости и доброты на лице запомнили многие.

«Сотнями, тысячами идут люди в скромные комнаты на Ильинке, к живым, чутким людям, ищут справедливости и помощи,— писал в «Правде» о работе Бюро Федор Гладков.— Здесь, в живом общении с этими сотнями и тысячами, в пристальном изучении больших и маленьких ошибок, в лабораторном исследовании фактов и людей... вскрываются болезни и аномалии в сложной системе советского управления».

Мария Петровна Голубева прожила сложную большую жизнь. По скромности она никогда не считала свои заслуги какими-то особыми и, если речь заходила о них, говорила обычно: «Я всего лишь обыкновенный рядовой солдат революции». Так о ней и писали после ее смерти в 1936 году Мария Ильинична, Дмитрий Ильинич Ульяновы, Надежда Константиновна Крупская, хорошо знавшие и уважавшие ее: «Мария Петровна Голубева — рядовой солдат революции, как она сама себя называла, — принадлежит к той железной когорте большевиков, которая обеспечила победу партии и революции».

1. Архивные источники

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС), ф. 129, оп. 1, д. 488, лл. 1—9.

Государственный архив Саратовской области, ф. 53, оп. 1, 1896, дд. 102, 104; 1901, д. 9, т. II; 1902, д. 56; ф. 57, оп. 1, 1903, дд. 47, 52; 1904, д. 23, т. I; 1905, д. 22.

Саратовский областной партийный архив, ф. 199, оп. 1, д. 33.

2. Печатные источники

Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 46, стр. 185—186, 372, 387—388, 427.

Второй съезд РСДРП. Материалы и документы. М., 1938.

В. И. Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1966.

Иванский А. Молодой Ленин. М., Политиздат, 1964.

Эссен М. М. Первый штурм. М., «Молодая гвардия», 1957.

Лядов М. Рассказ саратовского делегата II съезда.—«Старый большевик», 1933, № 3 (6), стр. 172—187.

Лебедев П. К истории Саратовской организации РСДРП (1901—1903 гг.) — «Пролетарская революция», 1923, № 3 (15), стр. 227—250.

«Искра» № 1—52. Декабрь 1900—ноябрь 1903. Вып. 1—7. Л., «Прибой», 1925—1929. Вып. 1, стр. 119, 149. Вып. 5, стр. 18. Вып. 6, стр. 51, 162—163. Вып. 7, стр. 82, 112, 113.

Соколов В. Н. Транспортно-техническое бюро ЦК(б).—В кн.: Техника большевистского подполья. Сб. статей и воспоминаний. Вып. 1. М.—Л., Госиздат (б. г.), стр. 58—82.

Голубева Е. Мария Петровна Голубева.—В кн.: Славные большевички. М., Госполитиздат, 1958, стр. 123—130.

Ульянова М., Крупская Н., Ульянов Д. и др. Мария Петровна Голубева.—«Правда», 1936, 11 мая.

3. Воспоминания М. П. Голубевой

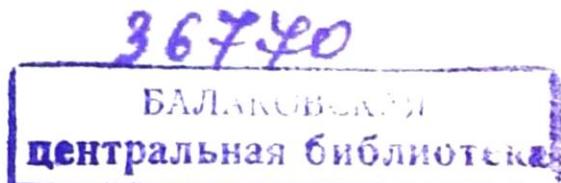
«Последний караул», М., «Молодая гвардия», 1924, № 2—3, стр. 29—31.

Страница воспоминаний.— «Пролетарская революция», 1923, № 14, стр. 56—60.

Воспоминания о Зайчневском.— «Пролетарская революция», 1923, № 6—7 (18—19), стр. 27—31.

Юноша Ульянов (Из личных воспоминаний).— «Старый большевик», 1933, № 5, стр. 160—164.

Моя первая встреча с Владимиром Ильичем.— В кн.: Воспоминания о Ленине, т. 2. М., Госполитиздат, 1957, стр. 96—99.

Дмитрий Петрович Коновалов
САРАТОВСКИЙ АГЕНТ «ИСКРЫ»

Редактор В. И. Азанов
Художественный редактор В. К. Иванов
Художник О. И. Разогреева
Технический редактор Л. И. Борисова
Корректор О. И. Боим

НГ13624. Сдано в набор 7.V-69 г. Подп. в печ. 24.IX-69 г. Бумага 70x108¹/₃; типогр. № 1. Усл -печ. л. 3,85. Уч.-изд. л. 3,6. Тираж 5000. Цена 12 коп. Заказ 6878.

Приволжское книжное издательство, Саратов, Вольская, 81.
Объединение «Полиграфист», пр. Кирова, 27.

12 к.

Приволжское книжное издательство · Саратов 1969